

Глава 3. Скрытые желания.

Императрица проводила свои дни, не разделяя их между личными и служебными. Даже когда она, закончив работу, возвращалась во внутренний двор, различные национальные проблемы продолжали отягощать её. Моральная готовность к решению любых проблем, независимо от дня и ночи, была визитной карточкой Шамию Китры Катванманиник.

— ... — ...

Но были времена, когда она могла расслабиться. В те моменты, когда никто другой не наблюдал за тем, как она проводит время с темноволосым парнем.

— Солорк...

— Хм?

Услышав её зов, парень, сидевший в кресле рядом с ней, поднял взгляд от книги. Его темные глаза были такими же нежными, как всегда.

— Ничего такого... просто захотела это сказать.

— Хорошо.

Парень слегка кивнул и погладил девушку по голове. Шамию закрыла глаза и почувствовала нежную ласку его пальцев. Она больше не боялась такой близости.

Само собой, такое изменение произошло не в одночасье. Она вместе с Иктой провела много времени, в котором они много общались и пребывали в тёплых объятиях. Накопленные бесчисленные события постепенно растапливали сердце девушки. Икта потратил много времени, чтобы передать ей свою непоколебимую любовь, и чтобы она смогла наслаждаться этой любовью.

— ...

То, что сказал ей старый мудрец на саммите 3-х наций также возымело свой результат... Яторишино Игсем любила её также, как Икта. Эта осознание, к которому бы она никогда не пришла сама, подтолкнуло Шамию опереться на темноволосого парня и признать существование рядом с ним девушки с красными волосами.

Это было то умиротворённое место, которого у неё никогда не было. Бесспорная любовь дала ей понять, что он хочет, чтобы она была рядом.

— Ах...

Чем больше она была не уверена в себе, тем труднее ей было поверить. Она не должна была получить такого счастья. Не должна была... но она была слишком виновата, чтобы отвернуться от этого.

— Ммм...

Парень перед ней был как солнце, в лучах которого она купалась. В тоже время она твёрдо верила, что за ней придёт расплата. День, когда испорченная родословная предстанет перед всеми накопленными грехами.

— ...

Икта понимал, о чём она думала. Как никак он постоянно за ней следил. Как изменилась психика Шамию, и в какую сторону? Узнать об этом было для него самым важным.

И вот его усилия дали плоды. Она заполучила любовь Икты, у неё появилась подруга Баки... да и она сама изменилась. Однако этого было недостаточно, чтобы пошатнуть её стремления касаясь своей жизни. Она всё ещё жаждала своего разрушения. Она по-прежнему считала, что это был единственный подходящий конец для потомка родословной Вечного Древа Духов.

— ...

До финальной битвы оставался ещё год. Даже с учетом способностей Икты, этого было слишком мало, чтобы спасти душу этой девушки.

— Солорк?

Парень отложил книгу, повернулся к Шамию и обнял её. Он сделал это, бесчисленно повторяя в уме свою клятву... Я спасу её. Он был готов поставить свои чувства, эмоции красноволосой девушки перед смертью, и всё, что было в его сердце.

— ... — ...

В тихой комнате они оба находились в крепкий объятиях друг друга... и пришли к противоречивому решению в своих сердцах.

Под палящим солнцем выстроилась длинная очередь, и каждый крепко сжимал мешок, жадно

цепляясь за предоставленную возможность.

— Не торопитесь и не выбивайтесь из очереди! Не надо так рваться, каждому достанется!

В передних рядах солдаты принимали мешки и насыпали в них пшеницу. Ответственным был Сенпа Сазаруф, который сейчас оказывал помощь бедным гражданам на юге Империи.

— Никогда не думал, что внезапная раздача продовольствия соберёт такую толпу.

— Видимо это результат резкого скачка цен на зерновые. Учитывая новости о надвигающейся войне с Киокой, нашлось не мало тех, кто решил хорошенько так запастись.

Размышляла адъютант бригадного генерала Мелза, наблюдая за бедным гражданами с болезненным выражением. Сазаруф уже слышал об этом несколько дней тому назад.

— Знаю. Но неужели эту проблему так и не решили несколькими запретами, что вводили ранее?

— Эта проблема экономического характера. В условиях нестабильности в мире поток денег и ресурсов также становится шатким. Как итог, такие солдаты как мы, могут лишь раздавать еду, чтобы справиться с симптомами, и мало что могут поделать в общем.

Взглянув на своего адъютанта с раздраженным лицом, Сазаруф тихо сказал.

— И то правда. Всё что мы можем, так это поскорее положить конец этой войне, чтобы воцарился мир.

От этих слов Мелза уставилась на своего начальника с широко открытыми глазами.

— Чего ты так на меня смотришь? Я сказал что-то странное?

Её пристальный взгляд заставил мужчину занервничать. Мелза покачала головой.

— Я удивлена, потому что это не странно. Окончание войны и мирное время... Никогда не думала, что услышу такие мужественный слова от бригадного генерала.

Сазаруф не мог подобрать слов. Он неловко отвёл взгляд, а Мелза с насмешливой улыбкой подошла ближе.

— Не корчите такую гримасу. Могу ли я считать, что вы наконец-то начали осознавать своё положение в качестве генерала?

— Трудно сказать. Я до сих пор не понимаю, что характеризует человека как генерала. Просто не могу представить, чтобы я стоял в один ряд с генералом Ремионом или генералом Сабой.

Он высказал своё честное мнение. Он всегда был обеспокоен тем, что по сравнению с вышеупомянутыми генералами ему не хватало достоинства для такой должности. Из-за этого он даже перешёл на сигары. Заметив его беспокойство и готовность измениться, Мелза посоветовала своему начальнику.

— Это нормально не гнаться за ними, но можно ведь использовать их в качестве ориентира. Посмотрите вон на Маршала Солорка или других.

— Как раз этого парня я и не хочу брать в качестве ориентира. К сожалению, нет такого генерала, которым я бы хотел стать. Но хотя бы я знаю, по чьим стопам я точно не пойду.

— О ком это вы?

Спросила заинтригованная Мелза, которая редко слышала от него нечто подобное.

— Как бы низко я не упал, я никогда не стану таким же, как он. Хорошо, что его уже...

Прежде чем он успел закончить, мужчина, который дождался своей очереди, привлёк внимание Сазаруфа.

— !

Этот человек сразу отвернулся. Он задрал свой рваный верх, чтобы прикрыть лицо, и согнулся, опустив голову. Мужчина слишком остро отреагировал на то, что просто встретился взглядом с офицером. Это заставило Сазаруфа склонить голову в замешательстве.

— Хмм...

— Что такое, бригадный генерал?

— Как бы сказать...

Обеспокоенный этим, Сазаруф уставился прямо на того человека. Через какое-то время мужчина выхватил мешок из рук солдата, словно больше не мог выдерживать этого давления.

— Этого достаточно...

— Постойте! Я лишь половину насыпал...

Не обращая внимания на уговоры солдата, мужчина в спешке начал уходить. В тот самый момент, когда он повернулся, Сазаруф мельком увидел лицо мужчины.

— Генерал-лейтенант Сафида!?

Он думал, что это невозможно, но всё же выкрикнул это имя, а спина мужчины вдруг дрогнула, словно его ударили хлыстом.

— У...Ааааа!

Мужчина резко рванул на полной скорости. Подозрения Сазаруфа переросли в уверенность от увиденного, и вздрогнув, он наклонился вперёд.

— Стоять! Схватите того мужчину! Быстрее!

Тела работающих солдат и стоящих граждан были для него препятствием, чтобы преследовать самому, поэтому он отдал приказ своим людям. Отряд солдат был сбит с толку внезапным распоряжением, но они всё же бросились в погоню, мельком понимая намерения командира.

— Стоять! — Извините, дайте пройти! — Эй! Не убежишь!

Но когда они начали действовать, мужчина тут же смешался с толпой. Солдаты не могли должным образом вести преследование, поэтому остановились, потеряв цель из виду. Через несколько минут они вернулись к Сазаруфу и доложили.

— Прошу прощения... мы потеряли его!

— Он растворился в толпе!

Сазаруф стиснул зубы и выкрикнул с устрашающим лицом.

— Не останавливайтесь здесь, пусть все люди рассредоточатся! Он не мог уйти далеко!

— Бригадный генерал!? Подождите! Вы хотите прекратить раздачу?

Как только Мелза начала его останавливать, Сазаруф сразу понял, что его затея обречена на провал, и напрягся.

— Тц...

Если подумать об этом спокойно, то такое решение очевидно. Без чётких инструкций подразделение не могло быстро оставить свои обязанности, чтобы переключиться на другую миссию. К тому же отправка большой группы на поиски отклоняется от их нынешней цели.

Сазаруф исправил свой приказ, пока глядел в том направлении, куда убежал мужчина. Быть может это было всего мгновение, но лицо того человека не выходило из головы Сазаруфа.

— Генерал-лейтенант Сафида жив?

Услышав доклад, Икта был сильно удивлён. Ему казалось, что он больше никогда не услышит это имя.

— Ах да, сейчас он уже рядовой. После Северных Волнений и после вынесения приговора военным трибуналом его ведь казнили. Вы точно видели его?

— Да я скорее лицо своих родителей забуду, чем его! Он всё ещё где-то неподалёку! Пожалуйста, разрешите мне отправить людей на поиски!

Беспокойство Сазаруфа можно было ощутить даже через духа. Понимая, что он теряет хладнокровие, Икта спросил.

— Пожалуйста, успокойтесь, бригадный генерал Сазаруф. Я хочу удостовериться в паре моментов. Подозреваемый рядовой Сафида был вооружен?

— Нет, выглядел безоружным...

— Какие-то признаки сообщников? Двигался в составе организованной группы? Есть признаки заговора?

— Нет...

Голос Сазаруфа звучал озадаченно, когда парень подтверждал одно за другим. Икта понимал, что это жестоко, но он твёрдо заявил.

— В таком случае, даже если это действительно рядовой Сафида, на данном этапе я не могу разрешить крупномасштабные поиски.

— Но почему?

— Потому со стратегической точки зрения это бессмысленно. Отправка поисковых отрядов задержит сроки нашей текущей миссии. Мы не сможем восполнить траты, даже если поймаем рядового Сафиду. До войны осталось всего ничего. Поэтому я хочу, что вы закончили поставку еды в сроки и как можно быстрее вернулись на базу.

— ...

Сазаруф не мог подобрать слов, чтобы оспорить решение верховного главнокомандующего армии. До войны ещё оставалось какое-то время, и основной причиной раздачи припасов в целом стало то, чтобы Сазаруф смог набраться опыта командования бригадой. Его ещё ждало много работы на базе, поэтому причины остановить поиски были очевидны.

— Я расспрошу тогдашнее начальство и узнаю подробности касаясь дела рядового Сафиды. Вы уже кого-то послали на поиски?

— Один взвод кавалерии и один взвод пехоты...

— Когда вы их отправили?

— Около часа назад...

Поскольку по прошествии такого времени кавалерия не принесла результатов, это означало лишь то, что они потеряли цель. Не имея возможности решить проблему в короткие сроки, Сазаруф более не мог отправлять людей.

— Больше никого не отправляйте. Выполните раздачу припасов, как запланировано, и вернитесь к назначенному сроку. Буду рассчитывать на то, что вы продолжите миссию.

Сазаруф не стал спорить... и через какое-то время Икта молча прервал звонок.

Пробегая мимо, кавалерия поднимала позади себя облако пыли. А между тем в долине, покрытой листвой, кое-кто пристально наблюдал за ними.

— Ну как там?

— Мимо пробежало пару всадников. Не думаю, что они нас заметили.

Когда кавалерия отдалась, слышались детские голоса. Сразу после невысокие фигуры повставали одна за другой.

— Видимо так. Старик, разве это не круто!?

— Гхм...

Это была группа детей с мешками, и у их ног сидел дрожащий мужчина средних лет. Он был среднего телосложения и носил рваную одежду. Он был бывшим главнокомандующим Северной Крепости и сильно исхудал... таким сейчас был Тамут-Сурук Сафида.

— Кстати... стоило бы раньше рассказать, что тебя разыскивает армия. Если бы я знала, то не отправила бы получать пшеницу, которую раздаёт армия.

Сказала самая взрослая девушка, которая видимо была самой главной. Остальные дети столпились вокруг Сафиды.

— Эй~ А что конкретно вы сделали?

— Убийство? Бандитизм?

— Старик, получается вы ужасный человек?

Дети продолжали задавать вопросы без всякого злого умысла. Мужчина взглянул на них, пока босс группы рассматривала содержимое мешка, который он принёс.

— Тут только половина? Ну, хорошо хотя бы не бросил мешок. Ладно, хорошая работа, старик.

Сказала девушка, похлопав по плечу сидящего на корточках Сафиду. Он понял, что опасность миновала, и робко поднял взгляд.

— Хорошо, возвращаемся! Старик, можешь передохнуть! А вы ребята понесёте вещи!

— Ага~ — Понял! — Еда~ еда~ — Давайте скорее уже...

У детей было приподнятое настроение. Увлечённый их энтузиазмом, мужчина неуверенно оправился от депрессии.

Сафида уже не помнил того, как он оказался в такой ситуации.

Его воспоминания стали расплывчатыми после вынесения приговора. Единственное, что он

помнил – это как его объявили военным преступником, и страх перед надвигающимся расстрелом.

Он проводил свои дни в камере в полном отчаянии. Преступникам не сообщали дату их казни, поэтому каждый день для него был словно последним. Всякий раз, когда тюремный надзиратель приносил ему еды, Сафида каждый раз замертво замирал, садился на корточки и молился, чтобы этот день был не сегодня.

Он уже не мог вспомнить, сколько времени пролетело, прежде чем произошло нечто странное. Тюремный надзиратель исчез. Ему не приносили еды, сколько бы он ни ждал, и ему никак не отвечали, сколько бы он ни кричал. В одиночной тюремной камере Сафида понял... это его единственный шанс выбраться на волю.

Он изо всех сил пинал железные прутья. Решетки понятное дело от этого не ломаются, но учитывая, что эту одиночную камеру для преступников первого класса очень давно не использовали, были трудно заметные места, которые изрядно испортились. Поэтому Сафида пинал решётку два дня и две ночь, пробивая себе дорогу на волю. Со старым телосложением у него бы не было и шанса, но за время пребывания в тюрьме он сильно исхудал.

Выбравшись из тюрьмы, он обнаружил, что две фракции погрузили базу в хаос. Имперские солдаты, разделённые сторонами, сражались друг против друга. База потеряла контроль, и никто не подозревал о том, что Сафида сбежал. Лишь спустя кучу времени он узнал, что это было результатом военного переворота фракции Ремион.

Так или иначе, Сафида воспользовался шансом и выбрался из тюрьмы. Ему некуда было идти, поэтому он начал блуждать, куда глаза глядели.

— Информация точная?

В одном из кабинетов дворца. После отчёта, Икта просматривал документы на своём столе. Йорга кивнул.

— После твоего запроса, генерал Ремион подтвердил ситуацию с надзирателями. Они условились в своих показаниях и сделали вид, будто провели казнь. Так что это правда, что рядовой Сафида сбежал из тюрьмы во время хаоса гражданской войны.

Он изложил те факты, о которых узнал. Темноволосый парень вздохнул.

— И всё это время он скрывался? Ну~ такое возможно. Помимо северной территории, не так много людей знают лицо бывшего командира Северной Крепости.

— Я про него мало что знаю, но разве он не опасен? Нормально ли вот так оставлять его в покое?

Если бы это было так, они не смогли бы его игнорировать. Хотя Йорга и был этим обеспокоен, Икта лишь покачал головой.

— Он может и ненавидит людей, связанных с его провалом... особенно меня и бригадного генерала Сазаруфа, но он не представляет угрозы. Он уже потерял свои связи и у него нет людей, чтобы проверить что-то крупное. Лучшее, что он может сделать – скрывать свою личность и зарабатывать себе на жизнь. Я бы сказал, что проблема как раз будет в том, что бригадный генерал Сазаруф найдёт его...

Он не решался продолжать, а в этот момент Кусу оповестил о входящем вызове.

— Солорк слушает...

— Это Сазаруф. Вы нашли какие-нибудь подсказки к делу рядового Сафиды?

Он сразу же спросил о главном. Икта не стал ходить вокруг да около и ответил.

— Да. Исходя из расследования, велика вероятность, что человек, которого вы увидели... Тамут-Сурук Сафида.

— Так и думал!

— Похоже, он сбежал из тюрьмы во время гражданской войны. И чтобы заладить этот вопрос, тюремщики сговорились и солгали о его казни.

После услышанного, Сазаруф решительным тоном спросил.

— Маршал... знаю, я повторяюсь, но не могли бы отправить больше людей на поиски?

— Я прекрасно понимаю, что вы чувствуете, но поимка рядового Сафиды сейчас к делу не относится. Округ, в котором вы работаете, полон сомнительных людей, а местность хорошо подходит для укрытия. Даже если мы мобилизуем всех людей и опросим свидетелей, вопрос не решиться за день или два.

— Я прекрасно это знаю. Поэтому, когда мы закончим нашу миссию, прошу, хотя бы на один, разрешите отправить батальон на поиски. Я сделаю всё возможное, чтобы закончить работу по графику и в сроки вернусь на базу.

Икта не знал, как ответить. Такое вполне осуществимо, но план был слишком безрассудным, поэтому он отказывался так легко соглашаться.

Однако, прежде чем он ответил, Сазаруф внезапно заговорил куда проще.

— Скажи, в той войне ведь погибло много людей?

— Да.

— А ведь многие из них не хотели умирать... и вопреки нашим желаниям, они погибали. Таковы реалии войны. Я солдат, поэтому могу с таким смириться...

Икта твёрдо кивнул. Во время Северных Волнений, морского сражения и переворота... они стали свидетелями этой реальности бесчисленное множество раз, пока это не запечатлелось в их памяти на корню. Именно поэтому...

— Однако такие люди всегда погибают первыми, когда как те, кто действительно должен сдохнуть как-то выживают... С этим я не могу смириться. Разве это нормально?

Сазаруф провёл черту, от которой не отступит. И хорошие, и плохие люди погибают без разбора... такова реальность поля битвы, которую он мог принять. Для солдата Сенпы Сазаруфа это была единственная гордость, которую он не хотел отпускать.

— Мои мёртвые подчиненные никогда не вернутся, поэтому я хочу отплатить за их смерть. Я считаю, что это единственный способ оплакать их, и я много работал до сего дня.

— ...

— Поэтому... пожалуйста, старший лейтенант Икта...

Он просил своего товарища с тех беспорядков, а не Имперского Маршала. Поскольку он зашёл так далеко, Икта не мог поступить никаких иначе, кроме как согласиться.

— Ну где я ошибся?

После того, как он сбежал из тюрьмы и начал скитаться, Тамут-Сурук Сафида ни раз задавался этим вопросом... но никак не мог найти ответа. Совершил ли он роковую ошибку в какой-то определённый момент жизни? У него было смутное впечатление касаясь этого.

Всю жизнь у него была мощная поддержка. У его дома всегда были хорошие отношения с дворянами, и всё, что можно было назвать судом, прогибалось под силой его привилегий. Будучи ребёнком, он мог заполучить всё, что хотел. Всё что было отвратно его взору, более никогда не попадалось ему на глаза. Лишь спустя кучу времени он осознал, насколько это особая привилегия.

Когда он стал достаточно повзрослевшим, он заинтересовался историями войн и всецело в них погрузился. Крутые образы солдаты, подвиги героев... он даже не замечал, как проходит время. Сколько из написанного было правдой, а сколько вымыслом? Тогда для него это не имело значения. Он считал очевидным тот факт, что в будущем он тоже станет героем. Это даже было не желанием, а скорее уверенностью. Он никогда и не рассматривал другие возможности исхода. По мере дальнейшего взросления, он меньше остальных сталкивался со словом "нет".

Однажды во время семейного ужина он в простой манере заявил родителям, что хочет стать солдатом. Те в свою очередь быстро проложили ему путь. Для таких людей было нормой делать что-то, чтобы заполучить покровителя, и всё было сделано не так, как ожидал Сафида. Чтобы сохранить влияние дворян на армию, им требовалось больше солдат с ошейниками на шее.

И вот так, без его ведома, мечта Тамут-Сурук Сафиды принадлежала не одному ему. Это превратилось в крупный проект, поддерживающий интересы многих дворян.

Благодаря отличной образовательной среде, созданной его богатыми родителями, он был умнее многих своих сверстников. Однако этого было недостаточно, когда он поставил своей целью сдать экзамен для поступления в офицерскую академию. Когда он готовился к нему, Сафида впервые в своей жизни столкнулся с препятствием. Он осознал, что нелегко победить стольких претендентов со всей страны.

Вот только это лишь заставило его работать усерднее. Все солдаты в рассказах превозмогали врагов своим трудолюбием, поэтому он подумал, что сможет также. Этот экзамен был его первым сражением. Так он мотивировал себя учиться... и даже прилагал не мало усилий. Если бы это был всего лишь письменный экзамен, то не было бы странно, что со своими академическими способностями он бы легко прошёл.

Вскоре настал день экзамена, и он встретил его сильно нервничая. Всё над чем он работал всё это время подвергалось проверке... сама мысль об этом заставляла его руки дрожать. Но даже так он упорно продолжал заполнять бланк для ответов. От волнения он даже разорвал пару листов, но не остановился демонстрировать свои знания, накопленные до этого дня. Он блестяще прошёл первый этап и дошёл до второй практической части.

Однако тут начались проблемы. В отличие от первого этапа, где он был один на один с вопросами, вторая часть требовала координации между претендентами, тем самым проверяя способности, отличные от того, что были до этого. Само собой Сафида готовился и к этому. Он тренировался с своим партнёром, которого подготовили его родители. Тот особо не спорил с Сафидой и обращался к нему адекватно, но это было лишь из-за разницы в их статусах. Не осознавая этого, Сафида вышел на экзамен вместе с другими кровожадными конкурентами.

Результаты были ужасными. У него были постоянные разногласия со своими товарищами по команде, и до самого конца он отказывался уступать. Ему не удалось заручиться инициативой в каких-либо спорах, и его товарищи даже начали над ним насмехаться. Его команда неоднократно попадалась на уловки своих противников, и они были считай уничтожены. В то время его противниками были будущие знаменитые генералы Империи, Сольвенарес Игсем и Тельшинха Ремион. Поэтому это стало ещё одним фактором с которым ему не повезло.

Когда он вернулся домой после экзамена, он ничего не сказал своим родителям, которые ожидали его возвращения, а затем спрятался в своей комнате и всю ночь плакал. Для юноши, никогда не знавшего неудач, потрясение от первого поражения стало слишком огромным. Пропасть между его идеалом и его нынешним состоянием привела его в ярость. Закрывшись в своей комнате, он не ел и не пил в течение нескольких дней. Ему нужно было время, чтобы привести свои мысли в порядок.

Однако в один день родители постучали в дверь сына, который не показывался несколько дней, и радостно оповестили по ту стороны двери.

— Сыночек, радуйся и пой! Пришло письмо с результатами экзамена! Меньшего от тебя и не ждали... ты обязательно станешь генералом!

Он выскочил из своей комнаты, схватил письмо о зачислении и уставился прямо на него. Увидев на нём своё имя, он не испытал ни радости, ни удивления, а лишь сильное чувство диссонанса. Он держал в руках то, что всегда хотел, но это было совершенно не так, как он представлял.

Во всяком случае, так началась военная карьера Тамут-Сурук Сафиды. Человека, который не испытывал неудач или разочарований, и для которого всё происходило в соответствии с его ожиданиями.

— Старик... эй, старик.

Погружённый в прошлое, он вернулся к реальности, когда его позвали.

— Чт... что такое?

— Ты перестал работать. Не забыл, что к вечеру надо всё закончить?

Услышав это, Сафида посмотрел на свои руки. В обветшалой хате с низким потолком он использовал ящик как импровизированный стол и работал при свете духа. Он кое-что вспомнил, когда увидел стопку бумаг справа от себя.

— Д-да... верно...

— Я на тебя рассчитываю~ Деньги, которые ты зарабатываешь, очень важны~

Девушка заделала дыру в потолке, а затем подошла и посмотрела через плечо Сафиды. Затем она сказала через какое-то время.

— У меня от одного взгляда голова начинает кружиться. Старик, ты потрясающе справляешься с таким количеством слов и цифр за день.

— Нет, я особо ничего и не делаю... У меня просто есть образование, и это может любой...

— Вот как? Мы тоже умеем писать, но не такие большие текста. Я бы тоже хотела получить образование~ Наверняка будет тяжело, но зато я смогу делать столько всего после обучения, так?

Сказала девушка, держа ржавый молоток, пытаясь заделать трещину в стене. Удивлён, что здесь вообще можно жить, - подумал Сафида, глядя на неё. В отличие от детей, Сафиде приходилось стоять на коленях внутри дома, так как потолок был слишком низким.

— Я хочу найти нормальную работу. Я больше не хочу зарабатывать на жизнь воровством или грабежом. Было бы проще, если бы дела шли гладко, но мы довольно часто терпим неудачи и несём потери. Смотри... меня тоже недавно побили.

Девушка задрала одежду, чтобы показать болезненный синяк сбоку на животе. Сафида нахмурился. Эта травма была определённо от нескольких сильных ударов ногами.

— Мы только можем собирать травы... а доктора для нас недоступны. Можно и подохнуть, если получить серьёзную травму~

— ...

— Как я и сказала, хотелось бы нормально зарабатывать. Тогда о еде можно не думать и жизнь становится лучше. Пока мы живы хорошие времена обязательно настанут. Так ведь?

Его собеседница похлопала его по плечу и снова взялась за ремонт дома. Сафида взглянул на неё и задумался над сказанным.

— Пока мы живы, да?

— Подполковник Мелза, вы не остаётесь?

Внутри большой палатки, установленной в полях, старший лейтенант Метраш Лэнс, которой внезапно поручили продолжить миссию, спросила свою начальницу. Мелза вздохнула.

— Хотелось бы остаться, но ситуация изменилась. Оставляю это место на тебя, так что продолжай раздачу припасов, как планировалось, пока мы не вернёмся. Есть возражения?

— А когда вы вернётесь?

— Не позднее трех дней. Я оставлю своего партнера, так что связывайся с нами в случае экстренных ситуаций. Ещё есть вопросы?

— Эмм... ну...

Метраш выглядела встревоженной. Она мирно работала под командованием Мелзы и чувствовала себя неловко, когда ей доверили командование. Понимая, о чём она думает, Мелза крепко сжала плечи своей помощницы.

— Выпрями спину, старший лейтенант Лэнс. Ты легко справишься с командованием такого уровня. Тебя ведь ничего не тревожит?

Метраш затаила дыхание. Её начальница смотрела прямо на неё, подталкивая её быть самостоятельной.

— Нет мэм! Сделаю всё в лучшем виде!

Метраш с серьёзным выражением отдала честь. Удовлетворённо кивнув, Мелза вернулась к своему начальнику, который находился в другом конце палатки.

— Извините за ожидание, бригадный генерал Сазаруф. Передача командования завершена, можем отправляться в любой момент.

Смотря на карту на столе, Сазаруф слегка поднял взгляд.

— Да... А я удивлён. Мне казалось, что ты останешься здесь.

Это заставило Мелзу нахмуриться.

— Вот как. Вам и одному хорошо!?

— А?

— Неважно, теперь стало ещё очевиднее... В общем время дорого, поэтому давайте быстро определимся с планом.

Она закончила разговор и посмотрела на карту. На ней уже были отмечены близлежащие населенными пункты, которые были приоритетными целями.

— Срок - три дня. Даже если мы пошлём кавалерию, бездумные поиски, скорее всего, ни к чему не приведут. Нам нужно сузить область поисков. Бригадный генерал, у вас есть идеи?

Когда его адъютант спросила его об этом, Сазаруф кивнул.

— Судя по тому, как он выглядел, не думаю, что он живёт нормальной жизнью. Он, должно быть, скрывает свою личность, и такого подозрительного человека в лучшем случае могут взять только на временную подработку.

— Получается... он может быть нищим, копающимся в мусоре?

— Да, и есть не много мест, где он может выжить. Места с большим населением... но большая деревня не годится. Чтобы такой подозрительный человек мог получить работу, это должно быть неподалёку от зажиточного города.

Он посмотрел на карту, думая о своих предположениях. Область поиска, на которой они должны сосредоточиться, возникла естественным образом.

— Тут лишь пару мест, подходящих под описание, и все относительно недалеко. Даже если мы начнём с ближайших мест к городу и пойдём по порядку... трёх дней должно хватить.

— У меня нет возражений. Стоит ли нам разделить, чтобы быстрее проверить потенциальные места?

— Нет, чтобы ничего не упустить, я хочу тщательно обыскать каждое место. Тебе это может показаться неэффективным, но в этот раз давай работать кучно.

— Поняла... тогда первое место здесь. Выдвигаемся.

Они кивнули друг другу и вышли из большой палатки. Так начались поиски Тамут-Сурук Сафиды в строго отведённые сроки.

Когда Сафида присоединился к вооруженным силам в качестве офицера-кадета, война между Империей и Киокой как раз разгоралась. Основной причиной стала большая неудача в дипломатии, нежели в стратегии.

Стычки часто происходили на границах, и они нередко перерастали в мелкомасштабные сражения. В то время Кабинет часто от имени Императора призывал военных возвращать утраченные территории, которые даже не представляли большого стратегического значения. Киока пользовалась этим упорством, чтобы в долгосрочной перспективе истощить ресурсы Имперской армии. Как итог, наступательная кампания переросла в оборонительную, и Имперская армия начала нести большие потери, чем противник.

Однако Сафида не был настолько пессимистичен. Он считал, что у Империи ещё есть запас национальной мощи, и чем больше будет битв, тем больше шансов для солдат заработать заслуги. Неудача на экзамене оставила на нём рану, и он истосковался по успехам. Это было не только для повышения репутации, но и для того, чтобы приблизиться к своему идеальному образу солдата.

Как и ожидалось, вскоре после его назначения его отправили в боевые действия. Вот только то было не интенсивное сражение, а небольшая стычка, где обе стороны стреляли друг в друга издали, чтобы держать врага под контролем. В подобных ситуациях обе стороны просто развёртывали как можно больше людей, чтобы оказывать давление, поэтому отправляли сюда в основном неопытных младших офицеров для набора числа. Держать солдат в строю при движении, выстраиваться в соответствии с книгами и стрелять по цели... этого даже близко не было.

Это могло показаться фарсом, но всё же это была война, а Сафида был очень упрямым. Поскольку это всё же было поле битвы, у него был шанс выделиться. Офицеры из его партии выглядели обеспокоенными из-за своего первого сражения, но он был единственным у кого в глазах горела страсть.

Вот только во время марша произошло нечто странное... только его роте было приказано отклониться от заданного маршрута и беспечно стоять в углу боевой зоны. Сафида был всецело против, ведь то место было далеко от основного поля боя, и там не могло быть даже перестрелки. Но его никто не стал слушать, и роту Сафиды разместили за пределами поля боя. Такое отношение заставило его встревожиться и разочароваться. Он даже уже начал думать, что над ним нависла чёрная полоса после неудачи на экзамене.

Приказ, с которым Сафида не мог согласиться, в итоге уберёг его от опасности. Линия сражения, контролируемая обеими сторонами, могла сместиться в любой момент. Армия Киоки воспользовалась этим, чтобы начать атаку. Неподготовленные Имперские силы понесли тяжёлые потери, а когда командующего убили, солдатам пришлось столкнуться со своей структурой командования в полном беспорядке. Это было не так ужасно в сравнении с Северными Волнениями, но всё же это была страшная битва, оставившая свой след в истории Империи.

По большому счету, они просто угодили в лапы армии Киоки. Но при более детальном

изучении можно было заметить кое-что ещё. В этой ужасной битве три солдата превосходно проявили себя и в дальнейшем стали знаменитыми генералами.

Двое были вышеупомянутыми Сольвенарес Игсем и Тельшинха Ремион. Пока старшие офицеры заставши смотрели за происходящим, эти два человека проявили свои уникальные способности, тем самым проложив путь к спасению. От потомков Игсем, владеющего клинком, и Ремион, владеющим ружьём, ожидали многого, когда они вступили в армию, но их дебютное сражение превзошло всякие ожидания. А ведь тогда они были ещё лейтенантами и не могли прямо заявлять о своих идеях касаясь битвы, а ситуация между тем с каждым днём ухудшалась.

В это же время конкретное подразделение было развёрнуто в тылу. Причина была проста... у их командира были ужасные результаты во время тренировок, поэтому ему приказали обосноваться позади. Фактически их назначили в качестве резерва для этой битвы, поэтому, когда основные силы оказались в беде, их мобилизовали с мыслью, что это лучше, чем ничего.

Командующим того подразделения был лейтенант Бада Санкрей. Его невообразимое поведение заставляло людей испытывать стыд, а его товарищи презрительно называли его "дневным фонарем". Позже, в этой битве, его идеи позволили нескольким тысячам солдат благополучно вернуться, и это было отмечено главным достижением Империи того времени.

С другой стороны, Сафида был в полном неведении. С самого начала и до конца его подразделение ни разу не вступило в битву. Он был отрезан от фронта, и когда наступление врага начало представлять опасность, ему приказали отступить в Столицу. Он был в замешательстве, но выполнил тот приказ. Ему очень хотелось сражаться, но ему даже не рассказывали о том, что происходило на передовой.

Вскоре война, в которой родились три героя, закончилась. Чтобы не пошатнуть фундамент граждан, Кабинет устремился чествовать тех, кто добился наибольших заслуг. Сольвенаресу Игсему, Тельшинхе Ремиону и Баде Санкрею вручили медали, а их достижения открыли для них путь к верхам.

На церемонии награждения, на которой также присутствовал Сафида, он, стиснув зубы, наблюдал за теми, кого провозгласили героями его поколения. Он был раздосадован... почему выступили лишь они? Почему у меня не было шанса? Я тоже умею сражаться. Если бы я вышел на поле боя, я бы тоже смог выстоять.

Сафида не понимал, почему его отозвали. Когда он поднялся на сцену, к нему были прикованы сомнительные взгляды коллег. Старший офицер, который только что вручил медали троиче Бады, робко подошёл к нему и сказал с улыбкой.

— В честь ваших доблестных заслуг в этой битве... я вручаю вам медаль.

Не обращая внимания на удивлённого Сафиду, старший офицер надел медаль на его форму, а потом обратился к аудитории, чтобы всё объяснить.

— Заслуги трёх вышеупомянутых героев всем очевидны, но не стоит принижать подвиги тех, кто был за сценой. Его подразделение было развернуто вдаль от основного поля боя, но именно из-за него подразделение Киоки не смогло обойти нас с фланга. Если бы он не заблокировал наступление врага, союзные войска понесли бы неисчислимые потери.

Старший офицер бегло рассказывал о том, о чём Сафида слышал впервые. Его коллеги смотрели на него со смесью подозрения и недоумения, и он чувствовал тот же диссонанс, когда его родители хвалили его с поступлением в офицерскую академию. Это чувство вызвало у него озноб от пальцев ног до головы и заставило его кое-что осознать.

Он понял, что стоял здесь не из-за своих заслуг, а благодаря неизвестной и великой силе...

— Старик... Эй старик, хорош витать в облаках!

Сафида никак не реагировал, поэтому девушка слегка пнула его ногой.

— Начальник опять разозлится, если ты остановишься. Сегодня бумажной работы нет, поэтому нужно сосредоточиться на обычном труде.

— Х-хорошо...

Эти слова напомнили ему о его нынешнем положении. Он не мог устроиться на работу, в которой требовался высокий уровень образования, поэтому ему оставалось полагаться лишь на временные работы по разборкам домов. Почувствовав взгляды других рабочих, Сафида в панике взмахнул одолженным молотком.

— Кхааа...

Но он тут же почувствовал острую боль в пояснице и застыл на месте. Осознав это, девушка бросилась к нему.

— Опять поясница? Обязательно сейчас?

Девушка подставила плечо Сафиде и отвела его в угол рабочего места. Усадив его, она обернулась.

— Я извинюсь перед руководством, так что возвращайся поскорее. В последнее время вокруг нашего убежища бродят работорговцы, поэтому мне бы хотелось вернуться пораньше.

Сразу после этого она вернулась к работе. В очередной раз её отношение впечатлило Сафиду. Разбор домов был тяжёлым трудом, но девушка работала с остальными, поднося им инструменты, да и в целом помогая. Когда она была рядом, работа шла гладко, и она оказывала неоценимую помощь.

— Скажи, зачем ты за мной присматриваешь?

Вытерпев боль в пояснице, Сафида вернулся к работе, и через какое-то время уже наступили сумерки. Идя бок о бок в своё убежище, мужчина внезапно спросил девушку.

— Зачем, говоришь? Ну, чем больше друзей, тем стабильнее доходы.

— Тогда, почему ты позволила мне присоединиться? Учитывая безопасность, это не самая здравая идея сблизиться с сомнительным взрослым.

Сказал Сафида, осознав, что даже не назвал ей своего имени. Девушка задумалась, почесав щёку.

— И то верно... но когда мы впервые встретились, тебя лупили другие бродяги... это была не самая лучшая идея забирать остатки на их территории...

— ...

— Увидев ту сцену, я поняла, что ты не знаком с правилами этого места. Не зная как выживать, не зная где достать еду и куда податься... Ты действительно был на грани.

Сафида ничего не говорил и молча шёл. Девушка продолжила смеяться.

— Удивительно, но именно у таких людей нет дурных мыслей, ведь они не могут тратить усилия на нечто подобное. Когда заходит вопрос о выживании, люди особо не думают о таких вещах. Так ведь, старик?

— ...

— И помогаю я тебе не по доброй воле. Когда я разговаривала с тобой, разве я не спрашивала умеешь ли ты читать и писать? Таких в округе нет, поэтому довольно удобно иметь такого человека под боком.

Объяснила девушка, и сразу после её лицо стало серьёзнее.

— К тому же... наверное всё потому, что от тебя все отвернулись.

— О чём ты?

Озадаченно спросил Сафида. Девушка на мгновение задумалась, прежде чем указать на свою руку.

— Приглядишься, у меня ведь немного смуглый тон кожи? На самом деле во мне течёт кровь Шинарк.

— Аа...

— По этой причине меня не принимают окружающие. Поэтому не остаётся других вариантов, кроме как тусоваться с такими же изгоями, как ты. У таких людей как правило странный характер, и с ними тяжело поладить... но когда они находят друга, они ни за что его не предадут.

Малость радостно заявила она. Ему было трудно посмотреть ей в лицо, и заикаясь Сафида сказал.

— М-может показаться странным... что я такое говорю...

— Хм?

— Но тебе стоит более осторожно выбирать товарищей... Повсюду кучу злобных людей со странным характером, с которыми трудно поладить и которые хотят оставаться одни...

С упрёком к себе заявил мужчина. Девушка была потрясена на мгновение, прежде чем разразиться смехом.

— Хаххаха, это что... ты про себя, старик?

— ...

— А да, кстати... тебя ведь разыскивает армия? А что ты вообще сделал? Может пробрался на их кухню, чтобы свиснуть ужин?

Гуул~ Стоило ей сказать об этом в шутку, как их желудки одновременно зарычали.

— Что-то мы проголодались пока болтали... Ладно, ускоримся старик. Остальные тоже нас ждут.

— Да...

По её настоянию Сафида ускорил шаг. Что они будут есть на заработанные сегодня деньги? Привыкнув к такой жизни, он уже начал воображать пищу.

— Наконец-то я нашёл вас.

Позади него послышался знакомый голос и пронзил его, словно ледяное копьё.

— Я так долго вас искал, генерал-лейтенант Сафида. Что вы тут делаете?

— Ааа...

Девушка в шоке обернулась, когда как Сафида боялся сделать того же. Рука мужчины невероятно крепкой хваткой вцепилась в его плечо.

— Мне казалось, вы уже к другой стороне примкнули, а вы тут бродите не пойми где.

По мере того, как он говорил, Сенпа Сазаруф постепенно появлялся перед взором Сафиды. В его охотничьих глазах была видна одержимость и убийственное намерение.

— Давайте возвращаться. Я верну вас в нужное место... на этот раз никто не ошибётся.

Зубы Сафиды застучали. Для него это был словно вторым смертным приговором. Однако пока он неподвижно стоял, кое-кто повёл себя неожиданным образом.

— Ай!

От внезапной боли лицо Сазаруфа сжалось. Он посмотрел вниз и увидел юную девушку, кусающую его запястье с угрожающим видом.

— Старик... беги!

Воспользовавшись моментом, когда Сазаруф ослабил хватку, девушка пнула Сафиду ногой. Всё ещё вцепившись в его руку, она указала ему путь к бегству.

— В переулок! Ты ведь знаешь дорогу? Избавься от погони... живее!

Её слова стали для него толчком, и Сафида помчался вперёд. Сазаруф хотел было уже погнаться в след, но девушка, вцепившаяся в его руку, отказывалась отпустить.

— Стоять! Эй, отпусти же! Прошу тебя!

— Зачем это!? Ты ведь пытаешься убить старика!

Сказав это, она ещё сильнее сжала его руку и снова укусила. Сазаруф нахмурился от боли, но он куда больше беспокоился о том, чтобы не повредить её зубы своими грубыми действиями. Однако не желая успокаиваться, он попытался её убедить, что это пустая трата времени.

— Не подумай дурного! Этот человек преступник! Ты не того пытаешься защитить!

— А, вот как~ Не помню, чтобы меня хоть раз защищали солдаты!

Девушка не собиралась слушать. Она крепче сжала руку Сазаруфа, и Мелза, которая больше не могла этого выносить, вмешалась.

— Бригадный генерал, успокойтесь! И ты тоже... отпусти! Если продолжишь, мы применим силу!

— А ты попробуй, дура~

Отскочив назад, она начала насмехаться. Понимая, что её схватят, если она продолжит устраивать сцену, девушка решила развернуться и убежать. В одно мгновение она исчезла вслед за своим союзником, отчего Сазаруф тяжело вздохнул.

— Зачем этот ребёнок...

— Пожалуйста, не двигайтесь! Нужно перевязать вам рану!

Увидев, что её начальник ранен, Мелза немедленно вызвала медика. Сазаруф же поднял руку, чтобы остановить её, и принял меры.

— Потом перевяжем. Сейчас я должен его догнать. Он снова уйдёт, если я не достану его в этот раз!

Мелза лишь вздохнула на такие его слова. Никогда прежде она не видела, чтобы её начальник вёл себя подобным образом.

После получения медали в бою, в котором он не участвовал, Сафида продолжил подниматься по служебной лестнице.

Сколько бы его не отправляли на сражения, его подразделение всегда располагалось подальше от линии фронта. Пока он бездействовал, война закончилась. Для него уже стало обыденностью получать похвалу за усилия, которые он никогда не предпринимал. Если бы все эти подвиги были настоящими, то Тамут-Сурук Сафида стал бы таким же великим героем, как та троица. Но он лучше всех понимал, что всё это неправда.

На этом этапе Сафида осознал, в каком положении он находится. Сдав экзамены в офицерскую академию, несмотря на провал, и получив заслуги в битвах, в которых он никогда не участвовал, его стремительное продвижение по служебной лестнице было организовано дворянами, которые его поддерживали. Чтобы получить влияние в вооруженных силах, они упорно продвигали людей, которые будут защищать их интересы.

Знать старалась поддерживать тех, кто действительно был способен... такая школа мыслей существовала на тот момент. Однако выдающиеся люди довольно часто вырывались из-под контроля дворян и действовали самостоятельно. На основании своего прошлого опыта аристократы пришли к выводу, что им лучше выбирать достаточно некомпетентных людей, чтобы контролировать их в долгосрочной перспективе. Сафида был выбран именно на основе этого критерия.

Он очень сильно не хотел этого принимать, но также он боялся потерять поддержку знати. Как никак все его заслуги были получены благодаря им. Как только он осознал это, ему стало слишком страшно лишать себя этой особой привилегии. Сафида не был уверен в том, что сможем жить самостоятельно без поддержки сторонников.

В конце концов, он подчинился этой позиции. Ему не нужно было принимать никаких решений. Достаточно было просто выполнять приказы, приходящие сверху, и он автоматически поднимался в званиях. Его товарищи, которые вначале относились к этому подозрительно, вскоре осознали намерения аристократов, стоявших за всем этим, и открыто начали его презирать. Аристократский пёс, бумажный геройский тигр... вот что думали о Сафиде.

Само собой, сопротивление со стороны военных было сильным. Ни один солдат с совестью не хотел иметь в высшем руководстве некомпетентного офицера. Результатом их сопротивления и требований стал компромисс со знатью... Сафиду изгнали в Северную Крепость для защиты гор Великой Альфатры, также известной как Лестница Бога, в которой ничего особо не требовалось, кроме надзора за племенем Шинарк в горах. Это было единственное место, куда можно было вставить высокопоставленного бумажного тигра, поэтому дворяне согласились на это после непростых переговоров.

Его могли сослать за границу, но так, будучи членом высшего состава, он хотя бы мог участвовать в конференциях, проводимых в Столице. То, что Сафида время от времени мог высказать их мнение во время таких собраний, было для них успехом.

Сафида провёл большую часть своей жизни на северных территориях, сохраняя при этом статус-кво. Ему было не в чем проявить свои интересы, и он медленно, но верно сгнил. Он свалил всю свою повседневную работу своим подчиненным, а его подавленные желания вылились извращенным способом, угнетая слабых и племя Шинарк.

Командующий Северной Крепостью, Тамут-Сурук Сафида, закончил здесь, после всех подталкиваний мощной силы. Он был погружен по плечи в стоячую воду, созданную властью знати, и когда он осознал это, ему было больше некуда идти.

— Ха... ха... ха...

Он продолжал бежать, чувствуя за собой преследователей. Когда он понял это, Сафида стоял один в безлюдном переулке.

— Хаа... фуу... Я их скинул с хвоста!?

Он внимательно прислушался, но шагов позади не было слышно. Он вздохнул с облегчением, но стоило ему подумать о своей ситуации, Сафиду снова охватил страх.

— Что мне делать... что теперь делать...

Он оторвался от них, но он ещё далеко не был свободен. Сазаруф случайно встретился с ним и отправился на его поиски с целой армией. Сафида не был уверен, сколько всего людей задействовано, но он вполне мог предположить, что всех основные выходы из города заблокированы.

— А что будет с ней?

В его голове промелькнул образ девушки, отчаянно пытающейся помочь. Он сбежал, но что будет с ней, когда её поймут? Поскольку она была с ним, Сазаруф обязательно её допросит. Её даже могут использовать как наживку, чтобы выманить его.

— Хаа... хаааа...

Сафида не знал своего противника достаточно хорошо, поэтому не был уверен, к чему прибегнет тот человек. Во время пребывания в Северной Крепости Сенпа Сазаруф был лишь одним из его многочисленных подчиненных. Он казался хорошим парнем, но по тому, как он на него смотрел, Сафида ни в чём не был уверен.

— Фуххх... фуу...

Оказавшись в сложном положении, Сафида с тяжёлыми шагами повернул назад, молясь, чтобы девушка благополучно сбежала.

— А, этот тип? В последнее время я его часто видел.

В то же время. В очередной раз упустив Сафиду, группа Сазаруфа раскинула сети наблюдения, собирая свидетельские показания в специально отведенном районе поиска. Их предположения о цели были точными, и они попросили находящихся поблизости бродяг рассказать о подозреваемом.

— Деталей не знаю, ведь он не из наших, но он вроде как тусуется с детишками, живущими на улице. Если хотите его поймать, то можете просто обыскать укрытие той девки.

— Где это?

Сазаруф подавил беспокойство и вытащил упрощенную самодельную карту. Он добавил пару заметок, сославшись на их показания, а Мелза, стоящая рядом, сказала.

— Хочу спросить. Судя по размеру города, здесь довольно много бездомных. Скажите, так всегда было? Или есть какая-то причина?

— А, насчёт этого... Половина забрела сюда недавно. Я вроде как слышал, что недавно распалась большая коммуна или что-то вроде того. Неужели вы сами большего не знаете?

На вопрос мужчины Сазаруф прекрасно знал ответ. Коммуна людей, собравшихся для совместной жизни... должно быть, это Секта Мира. Ещё свежи в его памяти события, в которых мятежники совершили покушение на Императрицу и тяжело ранили Харому Беккель.

— Понятно, так это последствия того инцидента...

— Здесь куча людей, которых бросили или которые потеряли родителей. Сироты, которым некуда было податься, собрались вместе и образовали в городе несколько небольших банд. Человек на ваших набросках как раз тусуется с одними из таких.

Чем больше он слушал, тем более гадко становилось на душе у Сазаруфа. Причиной затруднительного положения сирот были война и солдаты. Действительно ли он, будучи членом Имперской армии, ни в чём не виноват?

— Сэр, у вас выражение лица довольно часто меняется... ну, неважно. В любом случае, это всё, что я знаю. Не буду спрашивать о причинах, но поймайте их всех.

Бродяга протянул руки за информацию, и Сазаруф дал ему немного монет и пачку сигарет. Дрожь в его сердце не стихала, пока он шёл по городу.

— Ха... хаа...

Слегка восстановив дыхание, Сафида спрятался в темном переулке, который находился довольно близко к главной дороге. Он мог лишь молиться, чтобы солдаты не заметили его, пока он осторожно появлялся на свету. Он решил вернуться, чтобы найти девушку, и пришёл к тому месту, в котором столкнулся с Сазаруфом.

— Здесь нет?

Её нигде не было видно. Сафида не мог кричать и старался особо не высовываться. Он уже начал задумываться о том, а не вернуться ли ему в убежище? А что, если там засада?

— Старик!?

Сафида с ужасом обернулся и увидел девушку, которую искал.

— Н-нашлась... тебе удалось сбежать?

— Это мои слова. Я тебя повсюду искала. Каково фи́га ты опять сюда припёрся?

Сказала девушка с ошарашенным лицом. Он просто не мог не убедиться в том, что с ней всё хорошо.

Девушка не понимала, что было у него на уме, и смущённо опустила голову.

— Ладно, неважно. Давай возвращаться в убежище. Тебя повсюду ищут и если мы выйдем на дорогу, то тебя сразу поймают.

— Н-но вскоре они обрыщут тут всё...

— Сюда скорее всего тоже придут, но тут достаточно мест для укрытия. За дорогами из города наверняка наблюдают, поэтому мы можем оставаться лишь здесь. Тут либо тебя поймают, либо они сдадутся и уйдут.

Твёрдым голосом заявила девушка. От её чрезвычайно спокойного поведения он потерял дар речи. Девушка подошла к Сафиде, который не мог сдвинуться с места, и без колебаний взяла его за руку.

— Ладно, возвращаемся в убежище. Все ждут нас, чтобы поесть. К тому же мы не можем

бегать натошак, так ведь?

— Да...

И вот так он позволил девушке взять себя за руку и повести вперёд. Мужчина, потерявший своё место в обществе, возвращался в дом с девушкой-сиротой, которая была достаточно юной, чтобы считаться ему внучкой. Они избегали ярких дорог и крались от переулка к переулку, прячась от пристальных глаз людей из светлого мира.

— ...

— Старик?

Из глаз мужчины потекла жидкость. Он не знал, почему он плакал или когда делал нечто подобное в последний раз. Сафида плакал нисколько из-за страха, сколько по другой причине. Девушка взглянула на него, прежде чем тихо повернуться к его лицу. Она не отпускала его руки, и они оба продвигались вперёд.

Осторожно проходя по переулкам, избегая внимания окружающих, они наконец добрались до своего убежища к сумеркам. Девушка энергично отодвинула доску, служившую им дверью.

— Эй~ я вернулась. Старик тоже в безопасности. Давайте уже есть...

Голос девушки эхом разнёсся в тихой лачуге, но ответа не последовало. Обычно их приветствовали шумные дети, но сейчас слышалась лишь тотальная тишина.

— А где все?

Озадаченно спросила девушка, а у Сафиды в этот момент пробежал холодок по спине. В этом домике всегда было грязно, но сцена перед ним была больше похожа на...

— Сюда кто-то вломился.

— А?

— Тихо, помолчи немного.

Резко заявил Сафида, а затем зажал уши ладонями и внимательно прислушался. Он слышал звук поворачивающейся девушка, шум издалека... а также звук шагов и приглушённых голосов.

— Чёрт!

Понимая, что произошло, Сафида схватил палку из-под белья для стирки и выбежал наружу. Он погнался за шумом и пробежал несколько переулком. Между двумя зданиями с ящиками, заполненными мусором, он увидел несколько мужчин, тянущих за собой детей.

— А ну стой, сраный бандит!

Сафида с гневным воплем бросился к ним и взмахнул палкой на уровне глаз мужчин. Они сильно удивились, а Сафида в этот промежуток успел выхватить детей.

— Эй, ты чего делаешь...

— Ты за одно с этими детьми?

Они посмотрели прямо на Сафиду, который закрывал своим телом детей позади. Девушка, которая только подбежала к этому моменту, при виде этой сцены затаила дыхание.

— Старик, это те работорговцы... Я слышала, что они здесь слоняются, чтобы наловить сирот...

Её слова заставили Сафиду понять, что он оказался прав насчёт этой ситуации. Мужчины быстро оправались от замешательства и пригрозили спокойным тоном.

— Нам нужны только дети, а к тебе вообще никаких вопросов. Я ещё могу закрыть глаза на ранее, если ты развернёшься и оставишь их.

Закончив угрозы, мужчины подоставали ножи, и дети начали кричать от страха. Сафида ещё какое-то время смотрел на них, а потом опустил палку.

— Вы правда меня отпустите?

— Старик!?

У девушки навернулись слёзы, глядя на Сафиду. Мужчины же зловеще улыгнулись. Воспользовавшись этой возможностью, Сафида пнул ящик с мусором.

— Эй... — Аккуратно!

Мужчин засыпало мусором. Пока девушка пристально наблюдала за происходящим, Сафида подтолкнул детей.

— Бегите! Разбегитесь в разные стороны! Даже если кого-то поймают, не оборачивайтесь!

Дети вышли из ступора и разбежались. Крепче схватившись за палку, Сафида последовал за ними. Девушка позади него крикнула.

— Старик, эти уроды гоняться за нами!

— Не паникуй! Выбирай маршруты, по которым не смогут пройти взрослые! В такой местности у тебя явное преимущество!

Сафида напомнил детям об их основном преимуществе. Разбежавшись по переулкам, они втискивались в тесное пространство между зданиями или забивались в канавы. Видя это, работоторговцы не могли не жаловаться, ведь из-за телосложения и их количества им было тяжело поймать всех детей.

— Так, отлично... а что насчёт тебя, старик?

После того, как последний ребенок потерялся из виду, девушка, которая собиралась побежать в переулок, задумалась и спросила. Сафида, бежавший позади, ответил натянутой улыбкой.

— На какое-то время притворюсь солдатом.

Сказал он, свернув налево на Т-образный перекрёсток и прижавшись к стене. Девушка тоже остановилась. Когда преследователи завернули за угол, Сафида сильно ударил одного палкой.

— Фух! — АааА! — Вот же ублюдок!

— Сам ублюдок! Засады - это основная тактика борьбы с преследователями!

Мужчина, получивший удар прямо в лицо, пошатнулся, а Сафида снова побежал с девушкой. Они повернули направо и попали в узкий переулок, в котором помещался один человек. Затем он повернулся и снова посмотрел на них.

— Узкая тропа - это благодать для меньших отрядов! Ещё бы дальнобойное оружие, и вообще красота!

Он махнул палкой, как только цель показалась в поле зрения. Удар пришёлся по ещё одному мужчине. Он тут же развернулся, хватаясь за горло.

— Кгха... — Ну же, придурок, не мешай! — Отойди, мы не можем пройти!

Если на узкой тропе остановить передние части, то это заблокирует всех остальных. Сафида не обращая на них внимания, продолжил бежать.

— После скрытой атаки следует отступить! Это очень важно не преследовать врага, который превосходит тебя числом!

— Потрясающе! Старик, ты удивительный!

Девушка не скрывала своего восхищения от того, как Сафида игрался с преследователями. Он осмотрел местность, чтобы обдумать свою следующую атаку, а затем сказал девушке, бегущей рядом.

— Всё! Дальше за мной не иди! Продолжай бежать!

— Не хочу! Если я буду рядом, то смогу...

Девушка внезапно остановилась и побледнела.

— Эй-эй... а вот это нехорошо.

— Что такое?

Озадаченно спросил Сафида. Однако стоило ему видеть высокую стену, преграждающую ему путь, он всё понял, не дожидаясь ответа.

— Тупик!

— Старик, возвращаемся! У нас ещё есть время...

Девушка схватила его за руку, чтобы вернуться тем же путем, которым они пришли, но им преградили путь трое мужчин с оружием в руках.

— А вот и мы... — Вы двое такие проблемные...

В их глазах читалось намерение убить. Сафида и девушка медленно попятились, когда их загнали в угол.

— Старик!

Девушка, у которой не оставалось вариантов, вздрогнула, глядя на Сафиду. Посмотрев в её

глаза, он пришёл к следующему решению.

— Не беспокойся...

— Что?

Сказав это, он глубоко вздохнул, наполнив тощую грудь воздухом.

— Я здесь!

Крикнул изо всех сил Сафида. Девушка и мужчины были удивлены, но он продолжил кричать.

— Сазаруф, я здесь! Человек, которого ты ищешь... военный преступник первого класса Тамут-Сурук Сафида... здесь! Иди сюда! И не опаздывай!

Оказавшись у края пропасти, он обратился к человеку, который его преследовал. Его голос эхом разнёсся в тесном переулке, окружённый стенами. Девушка в изумлении произнесла.

— Старик, о чём ты?

— Не подходи. Просто потерпи ещё немного.

Коротко ответил он и сделал шаг вперёд от стены. Он защищал девушку позади себя и держал палку так, словно это было копьё.

— Подходите, уроды... Хочу вас предупредить, что с моей техникой не так просто справиться.

Сафида вспомнил о тех временах, когда готовился к экзамену на поступление в офицерскую академию, и встал в стойку. Когда его противники увидели его намерение сопротивляться, они разразились гневом и бросились на него.

— Такое мне куда больше подходит...

Крик среди вечернего неба достиг намеченной цели.

— Этот голос...

— Сюда!

Мелза сразу поняла направление, и Сазаруф со своими людьми побежал за ней. Вот только у него было чувство, что что-то не так.

— Намеренно закричал, чтобы привлечь внимание? Должно быть он что-то замышляет!

— Будьте осторожны, это может быть ловушкой! Учитывая местность, засады здесь представляют большую опасность!

Мелза напомнила своему начальнику, который был далёк от спокойствия, не терять бдительности. Сазаруф принял это близко к сердцу и вышел в переулок, чтобы найти свою цель.

— Это же...

— Оттуда доносятся звуки драки. Что там происходит?

Они пошли глубже, и гневные крики стали более отчётливы. Инстинкт Сазаруфа подсказывал ему, что это не ловушка и происходит что-то неожиданное. Но даже в этом случае у него не было времени сбавлять обороты. Вернуть Сафиду и заставить понести ответственность за смерти, причиной которых он стал... эта цель глубоко укоренилась в сердце Сазаруфа. Моментом спустя он прошёл по запутанным улочкам.

— Где-то здесь!?

Когда он повернул за угол, мужчине вонзили нож в грудь.

— А?

По итогу из тела Сафиды торчали три ножа. Однако в тот момент, когда работорговцы увидели солдат в форме, преграждающим им путь к отступлению, они побледили.

— Солдаты!? — Чёрт врассыпную!

Попавшим в ловушку мужчинам ничего не оставалось, кроме как прорываться напрямую. Но их последние потуги были немедленно подавлены Мелзой.

— Арестуйте этих людей!

По этому приказу солдаты подняли штыки. Это резко остановило мужчин, и солдаты

воспользовались этим моментом, чтобы их обезвредить. Один получил удар в запястье и уронил оружие, другой получил удар в плечо ведомой руки и закричал. Последний мужчина потерял всякое желание сопротивляться и поднял руки вверх.

— Пропустите!

Сазаруф оттолкнул обезвреженных мужчин и вошёл в переулок. Когда Сафида увидел его, оборвалась последняя нить, поддерживающая его тело.

— Ты здесь... Сазаруф...

Палка выпала из его рук, и он упал на колени. От окровавленного тела Сафиды у Сазаруфа прихватило дыхание.

— ...

— Старик! Старик!

Девушка с воплем бросилась к Сафиде и изо всех сил положила его. Раны заставили девушку и Сазаруфа застыть. Помимо последних трёх ножевых ранений, ему порезали руки, плечи, грудь и живот. Эти раны рассказывали историю о том, как сильно он боролся.

— Мне казалось, я справлюсь с тремя выродками... видимо я деградировал сильнее, чем представлял... кха... кхэм...

Когда он говорил, из его рта хлынула кровь. Увидев его раны, Мелза раздала инструкции.

— Он истекает кровью! Зовите медиков!

По этой команде солдаты бросились к Сафиде и начали оказывать первую помощь. Сазаруф смотрел с некоторого расстояния и сказал дрожащим голосом.

— Что вы делаете...

— ...

— Зачем вы рискуете своей жизнью? Вы... не должны так умирать. Не такой смертью...

Сазаруф опустился на колени, схватился за его воротник и закричал.

— Вы должны извиниться перед армией! Перед всеми погибшими из-за вас солдатами! Возьмите на себя ответственность и встретьте свою казнь согласно приговору военного трибунала! Это единственное на что вы ещё способны! Вы недобросовестно выполняли свои обязанности командира, поэтому это ваш последний долг!

Подстегиваемый гневом и чувством вины, Сазаруф кричал, качая тело Сафиды. Девушка, которая не могла больше спокойно за этим наблюдать, встала между ними.

— Хватит! Прекратите! Он ведь умрёт... старик умрёт!

— !

Девушка оттолкнула Сазаруфа и защитила Сафиду. Видя эту сцену, в его груди возникло болезненное чувство. Он пришел сюда, чтобы положить этому конец. Чтобы заставить мужчину перед ним взять на себя ответственность. Тогда почему этот ребёнок был так недоволен?

— Всё хорошо... не останавливай его...

Сказал Сафида хриплым голосом. Девушка удивленно обернулась.

— Старик?

— Всё хорошо... у него есть причина... вполне законная причина...

Сказав это, он снова повернулся к Сазаруфу. Медик, оказывающий первую помощь, быстро повернулся к Мелзе и тихо сообщил.

— У него слишком много ран... кровотечение не остановить. У него максимум пару минут...

— !

Лицо Сазаруфа исказилось от боли. В тот момент, когда он стал свидетелем ран Сафиды, он уже прикинул, что так и будет. Ему не нужно было слушать заключение от Мелзы, и он со вздохом всё понял.

— До места казни он не доедет...

Сказав это, ярость и беспокойство Сазаруфа заставили его схватиться за штык. Он перешагнул через Сафиду и направил копьё ему прямо в грудь. Девушка кричала и пыталась остановить Сазаруфа, но солдаты ей не давали.

— Да... так и должно быть...

Сафида столкнулся с намерением убийства, не уклоняясь. Его реакция озадачила Сазаруфа.

Он не понимал... почему Сафида не рыдает вслух? Он был таким ничтожным во время вынесения приговора военным трибуналом... так почему сейчас он так спокойно смирился со своей судьбой?

У него даже был умиротворённый взгляд на лице.

— Что такое Сазаруф? Не собираешься меня убивать?

Конец всё не наступал, и это заставило Сафиду в недоумении спросить. После долгого молчания Сазаруф дрожащими губами сказал.

— Зачем... для чего вы её защищали?

Он посмотрел прямо на девушку, которую сдерживали солдаты, и тихо спросил. Сафида повернулся к ней и приподнял уголки губ. Затем он посмотрел на кусочек неба над собой.

— Сбежав из тюрьмы... я много думал... где же я оступился?

— ...

— И наконец я нашёл ответ. Нет... точнее вспомнил. Уже спустя столько времени я наконец вспомнил цель, которую ставил перед собой...

Говорил Сафида, изливая свои чувства. Заслуги и медали, которые он получал без каких-либо усилий, и бездушное продвижение по службе... всё это было не тем, чего он хотел.

Когда родители сказали ему, что он сдал экзамены, он должен был возразить и отказаться принимать такой результат. Когда он стоял рядом с героями, которых хвалили за доблестные усилия, ему следовало сказать им, чтобы они не зазнавались, и уйти. Он не должен был празднично наблюдать за тем, как гладко проходит его жизнь из-за всех этих схем и махинаций знати.

Когда в юности он был взволнован историями военных баталий... он не намеревался становиться пустышкой в звании генерал-лейтенанта. Он не пытался быть даже командиром.

Всё было бы нормально, даже если бы он не стал генералом или старшим офицером... даже если бы был безымянным солдатом, далёким от каких-либо славных подвигов, который

встретил свой конец в неизвестном уголке поля битвы.

— Я всегда... просто хотел стать солдатом...

Глядя на девушку, которую он защищал до самого конца, Сафида назвал свою настоящую мечту, которую так и не реализовал... до самой смерти.

Непоколебимо стоять, защищая слабых, и рисковать своей жизнью, чтобы противостоять несправедливому насилию.

Для этого ему не требовалась поддержка дворян. Для этого простого чувства было достаточно сделать шаг вперёд. Если бы он понял это раньше, то за зря не прожил бы так свою жизнь. Не потерялся бы в чужих планах. Не издевался бы над племенем Шинарк. Не стал бы причиной гибели многих своих подчинённых, шедших справедливому пути солдата.

— Уже слишком поздно сожалеть...

Сазаруф с трудом выдавил из себя эти слова. Когда его разум помутнел, Сафида слегка кивнул.

— Да... тут ты прав...

С этими последними словами мужчина замолчал. Мелза проверила его пульс и покачала головой.

— Он мёртв.

— Старик!

Девушка, которую больше не держали, обняла тело мужчины. Лицо трупа, с которым он больше не мог говорить, заставило Сазаруфа дрогнуть... и он убрал штык с груди Сафиды.

— Я не смог его убить...

Заявил он хриплым голосом и прокрутил в голове мысль. Я не должен был слушать его последние слова, и сразу прикончить. Так я бы его точно убил. Смог бы казнить генерал-лейтенанта Сафиду как военного преступника за его преступления, повлёкшие за собой гибель стольких людей во время беспорядков на севере.

— Простите... ребята... простите...

Его штык выпал у него из рук, и Сазаруф, обратившись к небу, заплакал. Мелза тихо подошла к

нему и взяла его за руку. Она не могла найти слов, чтобы утешить его, и оставалась в таком положении, пока его слёзы не высохли.

Вскоре после этого подразделение покинуло город. Уже позже Сазаруф доложил Маршалу... что рядовой Тамут-Сурук Сафида, защищая гражданскую девушку от преступников, погиб при исполнении своих служебных обязанностей.

— Огонь!

По этой команде с борта корабля раздался гром пушек, и водные столбы высоко поднялись в небо. Между тем на новом судне под сильным ветром развевался имперский флаг.

— Сильно право руля!

Голос Польмины Юргус эхом разносился по палубе.

— Поворачиваться против ветра? Эй!

В ответ кричал капитан-лейтенант Паум с кормы корабля. Капитан-лейтенант Йорин, которая должна была находиться на передней мачте, также подбежала к мостику.

— Пожалуйста, делайте всё плавно! Мы плывём против ветра с самого начала! Подумайте с какими хлопотами приходится сталкиваться, чтобы управлять парусами! Нас не так много, так как часть людей ушло на пушки!

В ответ на жалобы коллег Полли, стоявшая на мостике, озадаченно склонила голову.

— Но вы ведь справляетесь!

— Не в этом проблема! Мы ведь не в цирке!

Капитан-лейтенант Йорин возразила от имени экипажа, так как капитан корабля требовала выполнение очень сложно манёвра. Капитан-лейтенант Паум присоединился к спору и все трое уже были готовы закуситься. Пухлый парень подбежал к мостику через лестницу каюты.

— Стоп, стоп, стоп! Не злитесь на неё капитан-лейтенант Паум и Йорин! Это я попросил её исполнить этот манёвр!

— А?

— Но зачем ты... Ой, простите. Майор Мэттью, для чего вам это?

Паум и Йорин подозрительно уставились на сухопутного. Мэттью откинул волосы назад и ответил.

— У нас на корабле установлены взрывные пушки, не забыли? Их вес более чем влияет на манёвренность корабля, поэтому я хочу как следует изучить этот вопрос. Вот для чего я попросил Полли.

Мэттью посмотрел на девушку, о которой шла речь, а та в свою очередь с яркой улыбкой показала ему большой палец вверх. Он неловко улыбнулся, прежде чем повернуться к двум офицерам флота.

— Она не дурачиться. Чем сильнее мы доводим корабль до предела, тем лучше видим все тонкие изменения его возможностей. Я хочу выявить все проблемы, прежде чем мы погрузимся в панику во время настоящего сражения.

Объяснил Мэттью, чтобы поддержать Полли. Паум и Йорин были удивлены скромностью своего гостя и посмотрели друг на друга.

— Если всё так...

— А мне казалось её занесло, ведь это первое плавание этого судна...

— Хаха, это тоже сыграло свою роль...

Пухлый парень не стал это опровергать, и его улыбка малость натянулась. Увидев, что их разговор окончен, Полли снова крикнула.

— Теперь вы понимаете почему мы как в цирке? Приступайте за работу и готовьтесь! Сейчас снова будет разворачиваться против ветра!

— Мы продолжаем!?

— Боже~ Ты становишься слишком заносчивой!

Они продолжили ворчать. Под командованием девушки, унаследовавшей волю капитана Гарсиева, корабль снова отправился в плавание.

— Хмм...

Тем временем несколько человек наблюдали за ситуацией с края мостика. Одним из них был Адмирал Эрфин Юргус.

— Пойдёт, вполне хорошие результаты.

— Согласен, Адмирал. Ваша племянница, капитан-лейтенант Польмина, прекрасно командует даже на судне с взрывными пушками.

Взбудоражено говорил его адъютант, стоявший неподалёку. Адмирал хмыкнул и покачал головой.

— Нет нужды напоминать мне кто она такая. Корабль полностью укомплектован, и видимо она очень взволнована новым кораблём.

— Да сэр... мои извинения.

Понимая, что он допустил ошибку, адъютант склонил голову в извинениях. В этот момент длиннородый старик небрежно добавил.

— А я рад, что у неё ещё не иссяк запал, чтобы покататься на новом судне.

— Будь это не так, я бы не доверил ей корабль. После случая с Тираннозавром я полностью её переучил, начиная с мытья палубы. Сейчас с ней всё должно быть хорошо.

Сказал Адмирал командиру флота Рагиши Куцучи, который был капитаном того затонувшего корабля. Старый офицер, который выглядит строже, чем Куцучи, вышел вперёд.

— Капитан-лейтенант Польмина дай в бок. Я не люблю таскать тяжести на корабле... подсоби старику.

— Хигорум, не говори так. Как и война на суше, корабли ушли вперёд со времени, поэтому это отличается от того, что было в наши времена. Тоже касается и способа сражения, и нашей гордости как моряков.

Посоветовал Куцучи своему старому товарищу. Сразу после он повернулся к Эрфину и посмотрел на небо ребяческим взглядом.

— Слышал... с новым Маршалом тяжело работается?

Адмирал помолчал какое-то время, прежде чем ответить на этот внезапный вопрос.

— Верно. Он только и делает, что просит меня отказаться от пиратского флота и примкнуть к Имперским вооружённым силам.

Слова темноволосого парня с момента семейной встречи Юргус и Тетдрич всё ещё были свежи в памяти Адмирала. Увидев его сложное выражение лица, Куцучи громко рассмеялся.

— Но поскольку он прислал нам сына дома Тетдрич, то вы не смогли ему отказать~

— Я просто хочу расплатиться за долги как можно скорее.

Сказал он с кислой миной. Во время напряженного сражения у порта Нимонг против Четвертого Флота контр-адмирала Элулуфай, Адмирал Юргус сильно задолжал Мэттью и другим членам Рыцарского Ордена. Поскольку Маршал попросил его об этом, ему пришлось пойти на встречу, хотя это было малость опрометчиво.

— Кстати говоря... Это очень хорошо, что мы настроены тренироваться.

Адмирал Юргус отложил на время все эти вопросы и посмотрел на команду. Каждый член экипажа энергично передвигался. Затем он встретился взглядом с Полли и Мэттью, стоящих на мостике.

— А... — Эмм...

Какое-то время они смотрели друг на друга, прежде чем застенчиво помахать. Их невинное поведение заставило Адмирала ударить себя в лоб и вздохнуть.

— Может кто-то что-то с этим сделать? Это прекрасно, что они так подходят друг другу, но это напрягает команду.

— Стоит мне им об этом напомнить?

Спросил адъютант, подойдя к вопросу серьёзно. Адмирал почувствовал себя измученным и пожал плечами.

— Да шучу я, не надо на всё так реагировать.

— Прошу прощения!

— Всё, хватит. Тебе здесь больше нечего делать, иди проверь корму корабля.

Как только он закончил, адъютант сразу же ушёл. Командир флота Куцучи посмотрел на этого новичка с ностальгией.

— Ваш новый помощник?

— Да. Уже прошёл месяц, а он всё ещё так нервничает, словно новорождённый оленёнок... ну и головная боль. По крайней мере он способный офицер со связями в обществе. Жаль так сложно найти одновременно умных и храбрых людей.

Слабо заявил Адмирал, вспоминая прошлое. Вспоминая человека, который не знал перед ним страха и всегда отвечал с сарказмом. Кое-кого, кто оставался рядом с ним до битвы у порта Нимонг и кого он больше не мог рассматривать как союзника.

— Ты должно быть бездельничаешь где-то там... Данмир... давай покончим с этим...

Его голос был глубоким и резким. Решительный настрой Эрфина Юргуса разнёсся по открытому морю и устремился по ту сторону, где находилась вражеская территория.

В этот же день, вечером, когда они закончили обкатывать новый корабль и завершили тренировки. После того, как собрание офицеров закончилось, Мэттью вернулся обратно в каюту и плюхнулся на кровать.

— Так~ утомительно~

Это были его искренние чувства после первого дня на флоте. Всё оказалось не так просто. Новая среда, новая работа, новые знакомства... Испытав это всё в один день, можно было закончить лишь так, в независимости от успеха или неудачи.

— ...

К тому же после встречи, он мог лишь попрощаться с невестой и ничего более. У обоих было и время, и желание, но они не могли сближаться слишком сильно на работе. Пухлый парень очень хорошо понимал смысл своего пребывания на флоте.

— Времена, когда защита морей возлагалась на флот... закончились, да?

Мэттью вспомнил о том, что говорил Икта во время семейной встречи. С самого момента основания, их независимость являлась традицией и гордостью флота Катварны. Их менталитет, построенный на образе жизни легендарного капитана Гарсиева, также мешал любому сотрудничеству с армией. Таким образом, главной миссией Икты для Мэттью стал виток

свежих взглядов в их жизнь.

Обмен информацией о взрывных пушках тоже был важен, но очевидно, что Икта использовал это как предлог, чтобы отправить Мэттью на флот. К тому же Эрфин Юргус задолжал им после битвы у порта Нимонг, и в отличие от того времени, когда он был гостем, в этот раз Мэттью мог высказываться как офицер.

— Проще говоря, нужно как следует себя проявить...

Мэттью прекрасно это понимал. По сравнению с его обычной военной деятельностью, это миссия требовала его социальных навыков, чтобы армии удалось донести свои намерения флоту. Впервые это стало возможно благодаря его положению и способностям.

— Знакомые лица из Тираннозавра хорошая отдушина, но даже так со всем разобраться так сложно. Блин, и именно сейчас...

Он хотел продолжить и дальше жаловаться, но его дух уведомил его о входящем вызове. Понимая, что пора вставать, пухлый парень ответил на вызов.

— Майор Мэттью Тетдрич слушает.

— Йо, привет, мой дорогой друг, Мэттью. Как дела? Я случайно не помешал твоей страстной ночи с невесточкой?

Услышав шутку, Мэттью почувствовал себя непринуждённо, и не показывая вида, фыркнул.

— В отличие от кое-кого, я не настолько бесцеремонный, чтобы заниматься подобным в первый день.

— Хаха, ты должно быть сильно устал.

— Более или менее пойдёт. Хорошо я хотя бы заслужил их уважение с момента последнего морского сражения, а то бы они продолжили относиться ко мне, как к гостю. Рад, что этого не произошло.

Нетерпеливо заявил Мэттью. Даже находясь далеко от остальных, это не пошатнуло его стойкое психическое состояние. Чувствуя, насколько надежен Мэттью, Икта продолжил радостно болтать. Однако через пару минут его тон стал серьёзным.

— Слушай Мэттью, у меня для тебя новость. Ты точно удивишься.

— Что такое?

— Недавно мы обнаружили, что рядовой Тамут-Сурук Сафида сбежал из тюрьмы. Однако дело закрыли, когда бригадный генерал Сазаруф взялся за дело.

— А? Сафида!? Ты про того генерал-лейтенанта Сафиду!?

Эта информация была настолько неожиданной, что Мэттью не задумываясь закричал в каюте с плохой звукоизоляцией. Икта коротко изложил, что произошло, и Мэттью скрестил руки с серьезным видом.

— Сбежал с тюрьмы во время переворота? Похоже на правду, учитывая, что тогда было слишком мало людей, которые могли следить за заключёнными...

— Здесь никто не виноват, но генерал Ремион захотел понести ответственность за это.

— Учитывая его характер, я не удивлён. Ну, и чем всё кончилось?

— Судя по докладу бригадного генерала Сазаруфа, рядовой Тамут-Сурук Сафида скончался на его глазах, защищая гражданскую девушку от преступников.

— И как всё так обернулось?

— Меня там не было, поэтому подробностей не знаю. Похоже, он жил с сиротками в трущобах после того, как вырвался из тюрьмы. Дети, с которыми он жил, подверглись нападению работоторговцев, которые скрывались от солдат, и он погиб, пытаясь защитить их.

— Мы говорим об одном и том же генерал-лейтенанте Сафиде? И он рисковал жизнью ради спасения детей? Тот самый человек, чья единственная цель в жизни была травля племени Шинарк?

Мэттью не мог представить, что этот человек мог пойти на нечто подобное, и нахмурился, склонив голову. Икта помолчал немного, прежде чем сказать.

— Его последними словами были... "я всегда хотел быть солдатом".

— ...

— Этот инцидент очень расстроил бригадного генерала Сазаруфа. Я говорил ему, что всё нормально, но он, неоднократно извиняясь, сетовал лишь на то, что не смог доставить его к месту казни или нанести последний удар, хотя именно он вызвался на поиски.

— Я могу с ним связаться попозже?

— Конечно. Мне бы тоже стоило его утешить, но я выступал против поисков. Пожалуй, свяжусь с ним позже.

Понимая, что чувствует Икта, Мэттью кивнул и подумал о последних словах Сафиды.

— Хотел быть солдатом? Он наделал столько ошибок, как командир, и сказал нечто подобное в конце?

— Я тоже не понимаю.

— Это так странно. Обычно люди задумываются об этом, когда читают рассказы о солдатах и войнах. Сильное чувство защищать других наводит на такие мысли.

Мэттью подумал о своём детстве и наложил эти слова на чувства, послужившие его отправной точкой.

— Получается, генерал-лейтенант испытывал тоже самое? Ровно то, что и я? Тогда... как он стал таким?

— Не все помнят свои мечты после взросления. Я бы даже сказал, что именно таких людей редко встретишь, мой дорогой друг, Мэттью.

Со всей серьёзностью ответил Икта. Его собеседник не стал этого опровергать, но всё же не решался сразу прийти к выводу. Он более детально задумался о падении этого человека.

— Может быть... у него не было того, за кем бы он мог гнаться?

— Хмм?

— Ему не за кем было идти. У генерал-лейтенанта Сафиды, возможно, не было того человека, которым он бы хотел стать, и просто закрылся в себе... Не могу не перестать думать об этом.

Мэттью продолжил излагать мысли, а на другом конце звонка Икта тихо его слушал.

— У меня всегда были те, за кем я мог идти. Ятори, Торвэй, ты... даже сейчас в командировке, вы все со мной. Я могу обсудить с вами то, что меня беспокоит, а когда я рядом вижу, как вы работаете, я становлюсь ещё более трудолюбивым. Скорее всего... мне просто повезло.

Мэттью подумал о своём окружении и людях, которые всегда были с ним.

— Не будь вас рядом... смог бы я также усердно работать? Наблюдая из далека за вашими достижениями... я, наверное, бы просто смирился. Чувствовал бы, что никогда не стану таким же, и что мой мир полностью отличается от вашего.

— ...

— Кроме того... генерал-лейтенант Сафида примерно того же возраста, что и твой отец. Он офицер того же поколения, что и почётный маршал Игсем, и генерал Ремион, так? Не знаю, общался ли он с ними когда-нибудь, но он, скорее всего, постоянно наблюдал за их великими подвигами. Сравнивая их с собой, он испытывал зависть... и тоску.

— Может и так... но он никогда не гнался за ними.

— Потому что они были слишком далеко. Возможно, если бы они поговорили по душам друг с другом, и шутили, как мы сейчас, то он бы смог понять, что на другой стороне такие же люди... и почувствовал бы желание броситься в погоню. По крайней мере, я так вижу... ведь я всегда сражался рядом с вами. Будь это в горах Альфатры, в море или ещё где... Вы всегда были моей эмоциональной поддержкой.

Икта искренне принял эмоциональную тираду своего друга и сказал.

— Если бы у него были такие хорошие товарищи, как у меня, возможно, он прожил бы другую жизнь. Вот что ты думаешь о жизни генерал-лейтенанта Сафиды, да?

— Честно говоря, по-другому я и думать не могу. Я, наверное, отошёл от темы?

Тревожно спросил Мэттью, но его переубедили в обратном на другом конце звонка.

— Нет, что ты... всё так. Я зашёл так далеко только благодаря вашей помощи. Я считаю также.

Темноволосый парень согласился, не сдерживаясь, и продолжил.

— Само собой, мы никогда не узнаем правды. Мы не он, и нам неизвестно, что искажило жизнь генерал-лейтенанта Сафиды. Нам не суждено было снова встретиться, или, правильней сказать, наша встреча не принесла бы пользы. Что он мог сделать, чтобы не свернуть ни туда? Поскольку его больше нет, этот вопрос мы не можем изучить.

Всё это были выводы, сделанные на основе обрывков информации. Мэттью знал об этом и повесил голову.

— Я думаю о бесполезных вещах?

— Не говори глупостей. На самом деле это очень важно.

Он получил неожиданно твёрдый ответ. Мэттью широко раскрыл глаза, когда Икта продолжил.

— У каждого есть своя история. Другое дело, нравится ли она, и хороший или плохой это человек. Мы солдаты, поэтому мы должны забывать об этом, идя на встречу лицом к лицу с врагом. Однако, если мы не можем вспомнить хотя бы один день из жизни человека, то становится очень и очень страшно. Когда такое происходит, мы теряем сердце на поле боя.

Мэттью понимал, о чём предостерегал Икта всех солдат, включая себя.

— Когда обе стороны теряют связь с воображением, единственное, что им остаётся – сражаться. Поэтому хорошо, что ты об этом думаешь, Мэттью. И, если возможно, надеюсь, ты сможешь напоминать об этом другим, когда они будут терять это чувство.

Он словно умолял. Мэттью принял искренность его слов и кивнул.

— Обязательно напомню, когда придёт время.

Поклялся пухлый парень. Икта словно чувствовал его улыбку по ту сторону звонка. Их узы стали крепче после всех пройденных сражений, и ничуть не ослабли до сих пор.

Когда Икта закончил общаться с Мэттью, он вернулся в кабинет. Харо тем временем напряжённо наблюдала за спорами его трёх адъютантов.

— Майор Харуго, как я и сказала, это отлично, что вы так усердно работаете, но не надо браться и за нашу работу.

— Пожалуйста, не говорите так! Позвольте новичку позаботиться об этом! Вам обоим следует больше отдыхать, чтобы усталость не накапливалась!

— Я здесь тоже новенький. Мне неудобно находиться здесь, ничего не делая, поэтому, прошу, поручите и мне что-то.

Спорили майор Мегу, майор Харуго и майор Югуни. Ссора началась из-за молодого члена фракции Ремион, майора Харуго, который был завербован с целью уравновесить ветеран-майора Мегу из фракции Игсем. У него были хорошие способности, но он был слишком нетерпелив и даже хотел украсть работу своих коллег.

— Майор Харуго, если так хотите поработать, то скажите мне... О, Икта!

Харо пыталась быть посредником между ими тремя, и увидев возвращение парня, она улыбнулась. Икта поднял руку в знак приветствия, а затем подошёл к своему столу и сел.

— Похоже, я вам мало работы поручаю. Не переживайте, у нас её куча.

Он положил на стол тяжелую пачку документов. Лицо майора Харуго сжалось, когда он увидел такую стопку. Майор Мегу со вздохом похлопала его по плечу.

— Говорите новичок обо всём позаботиться? Хорошо, тогда оставляю это на вас.

— Есть! Как раз то, что я хотел!

Майор Харуго схватил стопку бумаг, как будто у него не было другого выбора. Майор Мегу приподняла уголки глаз.

— А это я забираю, кретин! Нам тут не нужно такое безрассудство! Пошли!

— Нет! Майор Мегу, зачем? И куда вы меня тащите?

— Куда-нибудь, где мы не побеспокоим Маршала! Майор Югуни, тоже идёте! Нам ещё предстоит разобраться с этим дитём!

— Согласен... пойдёте.

Перед ними было лишь одно препятствие, и все трое покинули кабинет с разрешения Икты. Их аргумент стал размытым, и парень обратился к Харо, которая ещё осталась в комнате.

— Харо, можешь тоже идти. У тебя ведь не мало работы. У себя, наверное, поработать хочешь?

— О... верно. Тогда приму твоё предложение. Все мои вещи там, поэтому продолжу у себя дома.

Харо поклонилась и направилась в соседнюю комнату, которая была соединена с кабинетом, а также с коридором. Оттуда она обычно уходила домой. Когда девушка вошла в кабинет, оттуда послышалось, как она собирает вещи и закрывает дверь. Такой шум показался ему сном, и вокруг Икты воцарилась тишина.

— Уже так поздно?

Наступил вечер. Свет из окна отдавал оранжевыми оттенками и отбрасывал длинную тень на мебель. В тихом кабинете в сумерках было слышно только ритмичное тиканье часов.

— ...

Напряжение исчезло, и парня охватило странное чувство бодрости. У него не было работы, которую ему нужно было выполнить лично, или поручить кому-то. В его напряжённой жизни настало короткое мгновение покоя.

— ...

Внезапно, начиная с ноги, он начал дрожать. Это распространилось до его колен, талии, плеч и рук, захватывая всё тело Икты.

— Чёрт, это опять происходит...

— Икта...

Кусу заметил странное состояние парня и окликнул его. Однако Икта даже не мог ответить своему партнёру, когда схватился за собственные плечи.

— Остановись. Дрожь никак не поможет!

Он попытался подавить дрожь, приложив силу к своим рукам. Но вместо того, чтобы успокоиться, его трясло ещё сильнее, и он начал терять чувствительность в конечностях. По нему прошёлся такой холод, словно на него вылили ведро ледяной воды. Поняв, что дела плохи, он быстро открыл свой ящик.

— Икта, ты...

Кусу снова заговорил, но парень проигнорировал это и схватил мешочек в ящике. Он распахнул его дрожащими руками, выхватил из него тёмную засохшую траву и сунул в рот. После как следует начал прожёвывать коренными зубами.

— Кгха...

Неповторимое чувство онемения распространилось по всему телу, и он почувствовал сильное чувство тошноты, вызывающее рвоту. Икта стерпел это и продолжил жевать засохшую траву... вот только дрожь не стихала.

— Теперь даже жевать больно?

Заклучил Икта в расплывчатом сознании, и потому достал свёрток бумаги из того же ящика. Он расстелил высушенную траву на бумагу и скатал её.

— Фу~ фу~

Сделав самокрутку, он попросил зажечь огонь. Дух огня засомневался, но по настоянию Икты сделал так, как просили. Держа её во рту, Икта медленно подносил самокрутку к мерцающему огню.

— Может лучше это?

Прежде чем конец коснулся огня, его остановила дымящаяся чашка чая.

— Харо!?

Икта в изумлении поднял голову и увидел знакомую нежную улыбку. Харо предложила ему чай и сказала спокойным тоном.

— Всё хорошо, даже если не выпьешь. Одного аромата будет достаточно, чтобы успокоиться.

Она не подталкивала его к действию и ни к чему не принуждала. В этой позе она ожидала его решения. После долгого вглядывания в друг друга...

— Хаха... я впечатлён...

Свёрнутая сигарета упала на пол, и вместо неё по его рукам разошлось тепло чашки. Икта ослабленно рухнул на стул и тихо сказал, глядя на янтарную жидкость.

— Я показал тебе такую свою неприглядную сторону. У меня нет оправданий...

Исходя из его обычного поведения, Харо никогда бы не подумала, что он может быть таким тихим. Чувствуя душераздирающую боль в груди, Харо попыталась сказать своим обычным тоном.

— Прости, что напугала. Я сделала вид, будто ушла, и специально скрыла своё присутствие. Останься я как обычно, ты бы вёл себя нормально...

Когда он это услышал, неловкая улыбка Икты больше походила на презрение к себе.

— Я попросил вас позаботиться о психическом состоянии войск, но в итоге именно я оказался проблемой...

— Нет, ты просто первый, кого я смогла обнаружить. Когда это началось?

Харо решила начать с основного вопроса. Икта же отвечал рывками.

— Обычно всё хорошо... Однако, когда работы внезапно нет, и я расслабляюсь, меня накрывает беспокойством... я не могу перестать дрожать. Всё началось 4-5 месяца назад... Хотя нет... уже как полгода прошло.

— Ты каждый раз использовал листья Коки?

— Я знаю, это нехорошо, но они быстрее всего снимают симптомы... И что ещё хуже, я даже ручку в таком состоянии держать не могу.

Он показал ей свою правую руку, которая до сих пор тряслась, а затем тяжело вздохнул.

— Я уже понял, что это симптомы психического расстройства. Учитывая мою сложную работу, даже мне иногда хочется кричать, несмотря на нервы. Меня это даже удивило...

Парень попытался свести всё шуткой, но Харо схватила его за плечи. Остановив его, девушка сказала.

— Икта, пожалуйста, хватить думать рационально.

— А?

— Так у тебя не получится успокоиться. Когда люди испытывают боль, им нельзя холодно к этому относиться. Прошу, оглянись вокруг. Здесь никого, кроме нас. Независимо от того, что ты скажешь или сделаешь, никто тебя не обвинит.

Этим она призывала его скинуть оковы своей души. Пока парень оставался неподвижным, Харо улыбнулась ему.

— Ты меня уж извини, но в этот раз... я буду действовать.

— Ааа...

Прежде чем Икта успел что-либо понять, Харо схватила его за руку и сильно потянула. Его тело покинуло кресло, и когда он осознал, его тело уже было в объятиях стоящей на коленях

девушки.

— Ааха... впервые я взяла на себя инициативу обниматься с тобой.

— ...

— В последний раз, когда ты меня обнял, мне было так тепло. Так что теперь моя очередь.

Она схватила его за руки и крепко сжала. Икта не смог устоять перед любящими объятиями, и позволил ей делать, что вздумается.

— Скажу сразу, я не отпущу. Будь то два или три часа... даже если всю ночь... я буду крепко держать тебя. И меня ты не обманешь, притворившись весёлым. Твои уловки на меня не действуют.

— ...

— Хаха, какой отличный трюк. Под предлогом поддержания психического здоровья, я могу обниматься с человеком, который мне нравится. Как бы меня не застигла божественная кара за то, что я так счастлива. Есть ли в мире работа лучше этой?

Сказала Харо, притворяясь свободной от каких-либо забот, чтобы не волновать Икту. Тепло её тела и биение её сердца чувствовалось через униформу. Купаясь в этом тепле, разум, сковывающий Икту, расслабился.

— Мне... очень страшно...

Немного погодя, тихим голосом он произнёс эти удручающие слова, которые сдерживал.

— Да...

Харо непоколебимо приняла его слова. Словно ручей, который наконец пробился через препятствие, слова парня потекли из его уст.

— С наступлением сумерек это чувство усиливается. Не забыл ли я сделать что-то важное? Не допустил ли ошибок? Возможно ли достичь того, чего хочу? Я становлюсь беспомощным.

Сколько лет прошло с тех пор, как он искренне без всякой фальши делился своими мыслями?

— Столкновение с Киокой и дипломатия... ведение внутренних дел Империи... само собой защита сердца Шамию... Если бы было возможно сузить фокус, то я бы сосредоточился только

на последнем... но этого нельзя сделать. Ведь Шамию не отречётся от своих граждан или своих королевских обязанностей... Она не может отделиться от страны...

Эта её черта... так похожа на Ятори.

Сказал он, всхлипывая. Чем больше он говорил, тем сильнее дрожал.

— Я снова могу потерпеть неудачу... Может всё будет также, как при перевороте? Даже потащив за собой столько жизней, я так и не спас того человека, которого больше всего хотел защитить. Если я проиграю на поле битвы Джину Алкинику, либо стратегически проиграю Арио Кьякуши, либо вообще попадусь на уловки Тринсая Изанмы... то сбудутся мои худшие опасения.

— ...

— Я не позволю им добиться своего. Я не допущу такого финала. Однако... я прекрасно понимаю, что как бы идеально я не готовился, насколько бы хорошо продуманы ни были планы... на войне нет никаких гарантий. Близнецы – нелогичность и неразумность, могут ударить мне прямо в сердце. Я далеко не всемогущ и всеведущ, чтобы знать, что готовит нам будущее.

Под конец он словно кричал. Он не мог вынести холода, пробежавшего по его спине, и обнял Харо изо всех сил.

— Харо, скажи... что мне делать? Я уже пообещал ей... во чтобы то ни было защитить Шамию! Я пообещал, что не сломаюсь на поле битвы, где нет никаких гарантий! Когда я вспоминаю об этом, моё сердце охватывает страх! Я не могу перестать дрожать, словно лёд застыл в моих венах!

Слёзы, катящиеся по щекам Икты, залили форму Харо. Она полностью приняла его чувства, а затем прошептала ему на ухо.

— Всё будет хорошо... ты невероятный, Икта...

Сказала она ему и нежно погладила по спине. По её лицу тоже потекли слёзы. Парень почувствовал сильное беспокойство, ведь теперь она принимала его боль.

— Я знаю это чувство. Когда ты работаешь усерднее, чем кто-либо другой, отдавая всего себя... но даже так, не можешь дотронуться до своей цели. Особенно на поле боя. Эта жестокость затрагивает всё, от линии фронта до тыла.

Харо вспомнила своё время на поле боя и продолжила.

— Будучи полевым медиком... часто приходится сталкиваться с теми солдатами, которых уже невозможно спасти... но продолжаешь их лечить и становишься свидетелем их последних минут жизни. Но знаешь, Икта, я хочу, чтобы ты это знал. Как думаешь, что мне говорили люди, которых не спасти?

Парень в её руках продолжал рыдать. Харо в своих воспоминаниях нашла слова, которые могли остановить его дрожь.

— Содержание довольно разное. Кто-то обращался к матери, кто плакал из-за своего любимого человека, которого оставлял, некоторые проклинали кого-то конкретного, но знаешь... больше всего я слышала слова благодарности.

В этот момент, рыдания парня стихли. Уловив луч надежды в его реакции, Харо продолжила.

— Когда они понимали, что всё бессмысленно, многие благодарили меня. Они не обвиняли меня в беспомощности, даже наоборот, говорили спасибо за мои усилия. Они выражали свою благодарность очень мягкими словами.

— ...

— Тогда я поняла, что даже если это не даст результатов... для многих из них, наличие человека, которых пытался их спасти... являлось формой спасения.

Уверенно заявила Харо, а её чувства доказывали, что это не ложь.

— Икта, ты ещё не забыл? В тот день ты сказал мне... всё хорошо, даже если ты плохая девочка. Тогда ты спас меня, и я даже не буду возражать, если ты попросишь меня убить себя сейчас. Но моими последними словами к тебе обязательно станет благодарность. Скажу тебе, Ятори, Торвэю, Мэттью и Её Величеству Шамию спасибо... поблагодарю за то, что встретили меня, назвали своим другом и провели такие тёплые деньки рядом. С такими чувствами я встречу смерть, и моё сердце будет наполнено спасением.

Закончила Харо и крепче обняла парня. С любовью, исходящей из самой глубины, она выразила свои эмоции.

— Даже если будущее туманно, даже если наши усилия не принесут результатов, я решила, что расскажу тебе об этом, когда придёт время. Надеюсь, ты не против рассмотреть это как репетицию?

Риторически спросила девушка, нежно расчесывая его волосы. Её слова были нежнее, чем всё, что она говорила в своей жизни.

— Спасибо за всё, что ты делаешь, Икта.

Это было похоже на волшебство.

В тот момент, когда он это услышал, дрожь парня исчезла, как отступающий прилив.

— Нечестно, Харо...

Мягко сказал Икта, опираясь на девушку. Ностальгия и застенчивость заставили его немного надуться.

— Нечестно говорить о том, о чём обычно говорила мне мама, когда бы я не плакал.

Воспоминание о любимой матери остановило его дрожь. Харо нежно обняла его, напоминая ему о первом счастье, которое он испытал в своей жизни. Он вспомнил тепло, которое никогда не исчезнет.

— Ах...

Икта нежно надавил на плечи Харо. Он приподнялся, вытер слёзы и посмотрел прямо на неё.

— Спасибо, Харо. Теперь мне намного лучше. Поверь, я себя не заставляю.

Усмехнулся он, улыбаясь. Увидев его, у Харо появилось сложное выражение на лице, будто она толи улыбалась, толи плакала.

— Да, вижу... Эх, такая потеря. Мне бы хотелось подольше тебя удержать.

Пошутила девушка, но в её словах можно было подметить искренность. Услышав это, Икта снова наклонился и крепко обнял Харо... с той силой, что испытывали его чувства, которые она ему показала.

Никто, кроме него, не знал об этом воспоминании, имевшим место давным-давно.

— Ты передумал?

Ледяной голос эхом разнесся в темной темнице. Однако голос по ту сторону железных прутьев, напротив, был беззаботным.

— Я всё ещё думаю. Прости, но не мог бы ты дать мне ещё немного времени?

Человек в форме говорил таким тоном, будто притворялся умственно отсталым. Он был среднего роста, с широким подбородком и относительно маленькими зрачками. Внешность как у типичного усталого мужчины средних лет. Однако знаки отличия на плечах не соответствовали его образу.

— Просто, чтобы знать... сколько конкретно времени тебе надо?

— Лет пять или шесть. Я обычно всё тщательно обдумываю, прежде чем принимать решение.

Небрежно ответил генерал Бада Санкрей в своей камере. Тринсай молча кивнул.

— Решил здесь помереть?

— У меня нет такого фетиша. Но судя по всему... я не могу выбрать место, где умру.

Пробормотал Бада, прислонившись к прутьям камеры. То, что он сказал, заставило лиса в последний раз нахмуриться.

— Я дал тебе выбор. Тогда почему бы не выбрать жизнь?

— Хм?

— Подчини Игсем и возглавь следующее поколение Имперской армии в качестве нового Маршала. Если согласишься, я освобожу тебя из этой камеры. Ты продолжишь жить, получишь статус и славу. Не понимаю, зачем ты отказываешься. Ты ничего не потеряешь, и даже сможешь оставить своё имя в истории Империи.

Лицо лиса выглядело озадачено. Криво улыбаясь ему, Бада сказал.

— Достаточно оставить моё имя на могиле. Отнимать жизни друзей и будущее детей – ужасная сделка.

— Для того, чтобы снова сделать Империю великой, это небольшая цена.

Без сомнений заявил Тринсай. Его ценности заставили Баду сказать.

— У тебя, может и так. Ты вложил в это дело всю страсть. Теперь мне кажется, что из-за того, что я отнёсся к тебе, как к другим коррумпированными дворянами, и недооценил тебя... это, пожалуй, и стало той причиной, по которой я так закончил.

Заявил он так, будто его это больше не волновало. Он уже принял неизбежное.

— Но меня беспокоит один момент. Неужели это твоё единственное желание?

Бада посмотрел на него аналитическим взглядом, как бы показывая, что это его интересует больше, чем его неизбежная судьба. Тринсай нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Всё просто. Ты пытаешься возродить таинственную королевскую родословную Катварны. Игнорируя тот момент, существует ли она на самом деле, осознаёшь ли ты, что это твоё единственное желание? Не могу не думать, что твоё настоящее желание сокрыто где-то глубоко внутри.

Сказал он, взясь с маленьким столиком в углу камеры. Повернувшись к Тринсаю спиной, Бада продолжил.

— Подумай, когда впервые ты начал преследовать эту цель?

— ...

— Если это связано с стремлениями к большой власти, то тут всё просто. Потому что достижение желаемого – это самореализация. Независимо от того, хорошо это или плохо, это наши желания. Вот только не понятно одно... Почему ты сам не хочешь занять престол? Ты желаешь процветания Империи больше, чем кто-либо другой, но не считаешь себя равным королевской семье? У меня это в голове не укладывается.

Сказал Бада, наливая в стакан воды. Он внезапно поднял взгляд, будто только что о чём-то подумал.

— А, вот как, понятно. Это не цель, а средство.

Бада повернулся к лису со стаканом в руке, а затем сказал, глядя прямо в глаза Тринсая.

— Позволь тогда спросить по-другому... Чего ты пытаешься достичь, ведя Империю к процветанию?

Лис ещё сильнее нахмурил брови. Не говоря об ответе, он даже не мог понять смысл вопроса. Увидев такую реакцию, Бада достал из-под одежды маленький пакетик.

— Если мои предположения неверны, то можешь всё просто проигнорировать. Но если когда-нибудь наступит день, когда ты об этом задумаешься, то подумай, как следует... ведь это окажет решающее влияние на твою жизнь.

Он сказал что-то невнятное, вроде совета или загадки, а затем высыпал содержимое пакетика в стакан. Тринсай внимательно следил за каждым его движением.

— Я что-то припозднился. Ладно, тянуть уже нет смысла, пора прощаться.

Сказав это, Бада осторожно встряхнул стакан, чтобы перемешать содержимое. В его действиях не было дрожи. Он с самого начала понимал, что, оставаясь в живых, подвергает опасности своих друзей.

— Самому себе было бы неловко такое говорить, но... я прожил хорошую жизнь.

Сказал Бада лису с застенчивой улыбкой... а потом выпил содержимое стакана.

Вскоре после этого воспоминания последних минут жизни того человека, Тринсай Изанма очнулся от короткого сна и открыл глаза.

— Ох и странный сон я сейчас увидел.

Сказал он в пустующем кабинете. Его губы нахмурились также, как во сне.

— Ты дурак, Бада Санкрей. Если бы ты сделал правильный выбор... то мог бы сейчас возглавлять Имперскую армию.

Сказав это, мужчина встал со стула и подошёл к окну. Его поле зрения заполнили суетливые вокруг дворца офицеры и солдаты.

— Погляди же. С пробуждением Императрицы Шамию Империя медленно возвращает себе идеальную форму и идёт правильным путём. Мы находимся в шаге от возвращения в мифические времена. О чём таком мне стоит задумываться?

Спросил Тринсай с загипнотизированным лицом, а затем медленно вернулся к своему стулу и сел. Затем он сказал Королевскому Духу на своём столе.

— Это архиепископ Тринсай Изанма. Вы меня слышите, Ваше Святейшество?

Сказав это, последовала короткая пауза, прежде чем из Королевского Духа раздался голос старушки.

— Да, чётко и ясно, гнусный министр.

Этот мудрый голос определенно принадлежал главе Ра-Саи-Альдерамина Дженанси Лапутесуме. Тринсай радостно кивнул и сказал собеседнице, которая находилась очень далеко.

— Очень рад. Буду рассчитывать на вас и в будущем. В один день моя голова полетит с плеч, но точно не сегодня. Я всё ещё хочу поддерживать великолепие Её Величества, произошедшей из родословной Вечного Древа Духов... и стоять рядом со славным троном.

В его глазах было безумие, не знавшее никаких признаков исчезновения. Разговаривая с собеседницей, он словно воспевал об этом. Папа на другом конце Королевского Духа молчала. Зловещее намерение, тянувшееся с далёкой земли, заставило её испытать леденящий холод.

<http://tl.rulate.ru/book/3196/977865>